

Муниципальное учреждение культуры
«Межпоселенческая центральная районная библиотека»
Муниципального района «Улетовский район»
Забайкальского края

Информационно-аналитический отдел

В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ НАРОДНУЮ

дайджест

к 100-летию Ингодинского восстания

с. Улеты – 2019 г.

63.3(2)6
К 92.2
В11

Составитель: Середина О.А.

В борьбе за власть народную: дайджест / Межпоселенческая центральная районная библиотека; сост. О.А.Середина. – Улёты: МУК «Межпоселенческая центральная районная библиотека», 2019. – 56 с.

© Муниципальное учреждение культуры
«Межпоселенческая центральная
районная библиотека», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

100 лет отделяет нас от страшных событий Ингодинского восстания.

История Ингодинского восстания 1919 года оставила большой след в истории не только Забайкальского края, но и всей страны.

100 лет назад, в ночь с 5 на 6 ноября 1919 года в с. Доронинское Улетовского района подпольная группа во главе с братьями Сущих и Бургуловыми начала вооруженное выступление против белогвардейцев.

В ходе восстания погибли сотни наших земляков, многие из них, в том числе и организаторы восстания, были зверски замучены.

До конца 90-х годов каждый школьник мог рассказать историю этого события. Но в настоящее время, подрастающее поколение в большинстве своем, не знает ничего о том страшном времени.

Дайджест «В борьбе за власть народную» посвящен одной из страниц гражданской войны в Забайкалье - Ингодинскому восстанию на территории Улетовского района.

Дайджест состоит из трех разделов:

2. Страницы истории. Как это было...
3. Годы. Люди. Судьбы. (воспоминания старожилов сел Улетовского района)
3. По памятным местам (информация о памятниках, установленных в селах Улетовского района, в память о кровавых событиях 1919 года).

При составлении дайджеста были использованы статьи из периодических изданий и краеведческой литературы, имеющиеся в фонде Межпоселенческой центральной районной библиотеки.

Дайджест может быть полезен учащимся, краеведам, а также всем интересующимся историей родного края.

1. Страницы истории.

Как это было...

Бабкин М. В Борьбе за власть народную // Ленинское знамя. – 1984. – 24 нояб. (№ 141). – с. 3.

Живет в Чите Михаил Афанасьевич Бабкин. Он уроженец села Доронинское, переехал в Читу в начале тридцатых годов. На его детские годы выпали тяжкие испытания, которые неизгладимым следом прошли через всю его жизнь. Сегодня

Братья Сущих

он делится с земляками своими воспоминаниями.

В августе 1918 года иностранные интервенты и белогвардейцы подавили советскую власть в Забайкалье. Установился жестокий семеновский террор. Вот как об этом говорится в книге «50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов»:

«На территории Забайкалья, «впредь до окончательной ликвидации большевизма», было введено военное положение... Работала семеновская контрразведка, изувеченные трупы закапывались прямо во дворах домов. Хозяйства разорялись от постоянных реквизиций хлеба, скота и имущества.

Но как ни жесток был семеновский террор, в забайкальских городах и селах, большевики поднимали трудящихся на борьбу с белогвардейцами и белояпонцами.

В первой четверти 1919 года огромная масса крестьянства и казачества была готова к восстанию против ненавистой им семеновской власти».

Было мне в ту пору 10 лет. Росли без отца, как могли помогали матери. Тяжело жилось. А тут еще семеновская власть навалилась. В то время дети рано взрослели. И хоть мал я был, но события тех лет хорошо помню.

Жили в селе Доронинское три брата Бургуловы: Ефим, Платон и Андриан. Дружили с ними братья Сущих: Амос, Даниил, Павел и Афанасий. Всей душой ненавидели братья белогвардейцев. Их силами в селе была создана подпольная организация. Но каратели тоже не дремали. Зверствовала белогвардейская дружина ярых семеновцев Нечухаева и Белкина, усердствовали на службе у новой власти староста Куташов и его сын.

Начались аресты. Это и привело к стихийному восстанию. Началось оно в селе Доронинское.

Кулак Нечухаев похвалялся: «Господа дружинники, у нас появились красные

тараканы, надо их передавить во что бы то ни стало!». Но подпольщики готовились к борьбе. С Оюна шел партизанский отряд Аносова. Ему навстречу были посланы связные Карп Болдаков и Иван Бабкин. Они договорились, когда и где войти в село. Восставшие организовали штаб, стал формироваться отряд. Приходили добровольцы из окрестных сел. Собралось 113 человек.

Все села района оказались охваченными восстанием. Самые ярые враги засели в Аблатукане. После жестокого боя восставшие взяли и это село.

Так, преодолевая трудности, отряд дошел до Дровяной и здесь был встречен сильным огнем японцев. В схватке погиб Даниил Сущих. Восставшие отступили. Началось кровавое преследование. Каратели хотели сравнять Доронинское с землей, но старики, чтобы спасти жителей, заверили белогвардейцев, что в селе нет ни одного партизана. Вот так наше село осталось целым.

Список отряда попал в руки волостному писарю Филиппу Нечухаеву. Начались облавы и аресты. В доме, где сейчас хозяйственный магазин, собрали 13 арестованных: Евграфа Горковенко, Даниила Гельзерова, Карпа Болдакова, Федота Прохорова, военнопленных австрийцев Франца и Ивана и других. Все они были моими соседями.

Со связанными руками повели их на казнь. Началась жестокая расправа. Их не расстреливали, а рубили. Когда привезли хоронить, то у моего соседа Федота Прохорова было отрублено полголовы.

Погибли и мой дядя Иван Бабкин с сыном Иваном. Во время преследования, они ушли в тайгу, но жестокий холод и голод вынудили их прийти в село. Здесь дядю выдали казакам зажиточные хозяева Пановы. Его расстреляли. Двоюродного моего брата, Ивана, схватили японцы, увезли в Верхние Ключи и там зарубили: восемнадцать ран нанесли, а было ему только 17 лет.

Часть повстанцев разошлись по домам, часть ушли в тайгу во главе с организаторами — братьями Сущих и Бургуловыми. Мороз и голод помогли белым довершить расправу...

После гибели дяди и брата нашу семью стали преследовать. Как сейчас помню издевательства, обыски. Помню, как цеплялись мы в страхе за материн подол, плакали, а в доме пьяные казаки устраивали настоящий содом, грозились, что-то требовали. С детства жило во мне чувство мести за ужас пережитого, погибших близких.

Когда началась Великая Отечественная война, я попал служить на Восток. И всеми силами мстил самураям за принесенные моим землякам страдания.

Более 60 человек лежит в братской могиле села Доронинское. Это боль и память, это назидание поколениям — всеми силами не допускать врага на нашу землю.

Тимофеева В. Борцы за Советы // Ленинское знамя. - 1989. - 15 авг. (№ 97). - с. 3.

70 лет назад, в ночь с 5 на 6 ноября 1919 года в селе Доронинское Улетовского района подпольная группа во главе с братьями Сущих и Бургуловыми начала вооруженное выступление против белогвардейцев.

В ходе восстания погибли сотни наших земляков. многие из них, в том числе и

организаторы, были зверски замучены.

Восстание вошло в историю края как Ингодинское и является яркой страницей в истории гражданской войны в Забайкалье.

Бюро райкома КПСС постановило в ознаменование 70-летия Ингодинского восстания подготовить и провести мероприятия в трудовых коллективах, учреждениях культуры, народного образования с целью изучения и пропаганды истории нашего края, воспитания патриотизма.

Для подготовки и проведения мероприятий, связанных с 70-летием Ингодинского восстания, утвержден организационный комитет во главе с заместителем председателя райисполкома И. Г. КОЛОДЕЖНЫМ.

Районная газета начинает публикацию материалов под рубрикой «К 70-летию Ингодинского восстания».

У каждого человека есть свой край, своя земля, ему особенно дорогая, о которой он думает нежно и с волнением», - писал Константин Седых о родном Забайкалье. Такая земля для доронинцев - это родное село. Как и многие другие села, Доронинское имеет свою неповторимую историю. Оно было основано в районе самым первым, в 1740 году. В 1770 году стало городом. Как и каждый город тех времен, Доронинск имел свой герб: на черном поле колосья ржи и в них васильки - знак того, что «вокруг сего города давно уже упражняются в хлебопашестве». В 1807 году город вновь стал слободой. В 1825 году в селе было 56 домов, проживало 288 человек. В селе были церковь и «питейный дом».

В 1897 году образовалось село Новодоронинское, так как Доронинское часто затоплялся водой, поэтому жители постепенно переселялись на новое, более возвышенное место.

Доронинское получило широкую известность в годы гражданской войны в Забайкалье, когда всюду свирепствовали белогвардейцы во главе с атаманом Семейным и японские интервенты.

В селе была создана подпольная организация. Первыми вступили в нее братья Суших - Амос, Павел, Даниил, Афанасий и братья Бургуловы — Ефим, Андриян, Платон и другие.

В ночь с 5 на 6 ноября 1919 года подпольная организация, опираясь из поддержку крестьян, подняла восстание, вошедшее в историю нашего края под названием Ингодинского. 63 жизни унесла гражданская война из Доронинского. Погибли лучшие его сыны. С 1930 года колхоз, который возник здесь, носит имя руководителей этого восстания - братьев Суших и Бургуловых.

В центре села, на братской могиле, установлен обелиск землякам-партизанам, отдавшим свои жизни за счастье народа А при въезде в село, у дороги, воздвигнут памятный знак павшим борцам за Советскую власть в Забайкалье.

В этом году исполняется 70 лет со дня начала Ингодинского восстания. Доронинцы по праву могут гордиться тем, что в их селе снова открыты двери колхозного музея. Бывшее здание церковно-приходской школы после внутреннего ремонта превратилось в достопримечательное место для жителей села. В музее отражена история революционной, боевой и трудовой жизни доронинцев. Представлена картинная галерея, подаренная колхозу читинскими художниками в 1959 году

Особый интерес представляет отдел об Ингодинском восстании. В нем помещен стенд с фотографиями братьев Суших и Бургуловых, активных участников

Доронинской подпольной организации и Ингодинского восстания.

В 1990 году Даниилу Егоровичу Суших, командиру батальона красных партизан (убит в бою с белогвардейцами за селом Татаурово), исполняется 110 лет. А одному из братьев — Афанасию Егоровичу, который храбро сражался один против сотни белых солдат, был ранен, а затем убит в неравном бою в декабре 1919 года, — 100 лет со дня рождения.

В музее есть список партизан, захороненных в братской могиле (к сожалению известны фамилии только 39 человек). Также в этом отделе хранятся воспоминания Егора Амосовича Суших, Екатерины Васильевны Черновой (жены Платона Бургулова), Анны Ивановны Савиной (дочери партизана Ивана Тихоновича Бабкина, который погиб вместе с 17-летним сыном Иваном) и Михаила Афанасьевича Бабкина о пережитых страшных днях 1919—1920 годов.

Интересно по содержанию письмо, адресованное Егору Амосовичу Суших (было передано родными) от Петра Лаврентьевича Герасимова - бывшего командира 6-й роты 13-го стрелкового полка НРА ДВР от 21 марта 1963 года об объединенной воинской части, которая именовалась «Ингодинский отряд». Он пишет: «Память сохранила имена таких товарищей Забайкалья: Яков Павлович Жигалин (военный комиссар нашей 2-й Иркутской стрелковой дивизии), Иван П. Большаков (учитель), Петр Аносов (ингодинский партизан, герой), Иван Пакулов, Антон И. Бутрин («Старик»).

Доказательством кровавых зверств, которые творили семеновцы на забайкальской земле, является переписка между атаманом Семеновым и командиром 4-го Ингодинского партизанского отряда Пакуловым: «Вы теперь трепещете за те жизни, когда подписывали смертные приговоры. Так будь же ты проклят, атаман, от имени всех сирот и вдов, отцов и матерей убитых тобою людей». (Из ответа Ивана Пакулова на письмо Семенова от 16 августа 1920 года со ст. Шилка). Возобновление работы музея — это большое событие в культурной жизни села. У жителей Доронинского появилась еще одна возможность немного отойти от сельских будней, повседневных забот, прийти в музей и не только окунуться в прошлое родного края, в сегодняшний день, но и задуматься о его будущем.

За три месяца работы музей посетили 1079 человек. Молодые приходят, чтобы узнать побольше о своем крае, о жизни своих дедов и прадедов, взять что-то полезное для себя. Пожилые люди, пенсионеры все как бы переживают заново. Видишь, как светлеют их лица, разглаживаются морщины, как, то и дело поправляя очки, они внимательно и с интересом рассматривают каждый предмет.

Уверена, что у человека, по-настоящему, душой и сердцем любящего свою родную землю, свой отчий край, остается добрый след от посещения музея. Свидетельством тому служат неоднократные посещения музея детьми и взрослыми.

Пищугин В. Героическая и трагическая страница истории // Ленинское знамя. - 1989. - 19 окт. (№ 125). - с. 3.

1918 году с установлением Советской власти в Чите, опираясь на крестьянскую и казачью бедноту, создавали большевистские сельские Советы в двух волостях - Николаевской и Татауровской — на территории современного района. Однако, позиции кулачества в селах были сильны, хотя оно выжидало и

вело себя трусливо. К августу 1918 года, когда банды Семенова, опираясь на японцев, рвались к Чите, враждебные элементы стали распространять семеновские подметные письма-призывы к свержению Советской власти.

Советские организации свернули работу и по решению Урульгинской конференции большевиков, чтобы сохранить силы, укрылись в тайге или рассредоточились по селам.

Из числа кулачества и середняков были образованы белые дружины, которые под руководством кадровых семеновских офицеров вылавливали большевистски настроенных крестьян, допрашивая пытками, истязали нагайками, расстреливали, отбирали для нужд семеновцев и японцев продовольствие, фураж, лошадей, теплую одежду. Беспчинства семеновцев и японцев показали крестьянам истинное лицо защитников старых порядков и их ошибок в пассивности, отказе от активной поддержки Советской власти, которая не успела стать по-настоящему на ноги. Крестьянам Татауровской и Николаевской волостей, забитым и неграмотным, не просто было разобраться в водовороте событий. В достаточно далекой от Читы таежной глухомани новости всегда запаздывали, и о реальной картине происходящих в крае событий было трудно судить. Жестокости карателей быстро отрезвили крестьян. Семеновцы провели мобилизацию молодых мужчин и парней и установили строгий надзор за каждым.

К этому времени с фронтов первой мировой войны вернулась часть бывалых обстрелянных казаков и солдат, бросивших окопы, вдосталь нахлебавшихся солдатской окопной жизни. Среди них были Амос Егорович, Павел Егорович, Даниил Егорович, Афанасий Егорович, Анемподист Егорович Сущих, Андрей Осипович Бургулов. Поддерживал Андрея Бургулова и его брат — уважаемый на селе учитель Ефим Осипович и два брата-крестьянина Андриан и Платон и другие односельчане. Недовольные существующим режимом были и в других селлах.

После Урульгинской партийной конференции в Чите был оставлен подпольный комитет РСДРП (б), который руководил борьбой, вел подрывную разведывательную работу, накапливал силы для решительной схватки за освобождение всего Забайкалья. В села верховой долины Ингоды были посланы для организации подпольных групп, для связи с существующими Андрей Федорович Гнилицкий, Николай Васильевич Зыков. Велась работа по накоплению оружия. При строгой конспирации, в трудных условиях, работа по селам шла успешно. За каждым селом были закреплены надежные товарищи. Были взяты на учет фураж, продовольствие, средства передвижения, выяснены по селам контрреволюционные элементы, предатели, создавались красные дружины. При угрозе ареста или мобилизации в семеновскую армию разрешалось уйти в отряд.

К октябрю 1919 года в долину Ингоды с боями из района Дарасуна пробился через сильные семеновские заслоны отряд алханайских партизан, в составе которого было немало былбриян во главе с Петром Аносовым. Петр Афанасьевич — бывший политкаторжанин, а затем и поселенец без права выезда в центральные регионы России, был стойким большевиком, борцом за Советскую власть в Забайкалье. С большим трудом прорвавшись через боевые порядки семеновцев, ушел на Оленгуй, а затем вышел в район Арты и Доронинского.

«В середине октября 1919 года, - писал позднее Петр Афанасьевич, - мы имели довольно крепкие партийные организации в селлах Улеты, Арта, Новодоронинское,

Дешулан, Николаевское, Ново-Салия, Танга. Мы стали готовиться к созыву Ингодинской конференции на 7 ноября 1919 года. Но 5 ноября в отряд поступило из Доронинского сообщение, что все наши люди арестованы, село бурлит, вот-вот надо ждать восстания».

При подготовке Ингодинской конференции посещения сел связными участились. Отдельные партизаны стали терять чувство осторожности, появлялись в селах, не дожидаясь сумерек, с винтовками за плечами.

Так, в открытую 30 октября въехали в Ново-Доронинское Силинский и Кондратьев с винтовками за спинами, расположились в доме В. Писаренко и были арестованы. Вслед за этим были арестованы братья Сущих, Бургуловы, Тихон Васильевич Бесконечников. Население приняло решение отбить арестованных. Нарочный, приехавший 5-го числа в отряд, передал слова доронинцев Аносову: «Если хотите, присоединяйтесь к нам, а если не хотите, то мы одни будем воевать».

После обсуждения создавшегося положения на партийном бюро отряда было принято решение выехать в Доронинское для того, чтобы разобраться в обстановке на месте. Это могла быть и провокация белых. Красная Армия же была еще далеко у Верхнеудинска и вела трудные бои. Положение в Забайкалье контролировал Семенов.

По реке Ингода шла сильная шуга. С большим трудом аносовцы переправились на левый берег, заехали к большевику Малкову, который рассказал, что ранее арестованные большевики освобождены, в Доронинском ведутся аресты белых «Опоздали вы с уговорами», — заявили Аносову доронинцы.

Пицугин В. Героическая и трагическая страница истории // Ленинское знамя. - 1989. - 21 окт. (№ 126). - с.3.

Аносов вынужден был восстание поддержать и принял активное участие по его расширению. В села немедленно были посланы не большие отряды с воззванием, в котором говорилось:

«Товарищи! Эсеры и меньшевики, пользуясь нашей темнотой в 1918 году, нас обманули, втянули в борьбу с Советами. В результате везде и всюду царствует нагайка, мордобитие и штык. Настал конец нашему терпению. Мы, трудящиеся верховья Ингоды, поднимаем знамя восстания и призываем поддержать нас!»

7 ноября в селе Доронинское был создан штаб восстания. Председателем (начальником) штаба стал П. А. Аносов, членами штаба: Андрей Гнилицкий, Береснев, Кондратьев, Зыкин, Литвинцев - учитель из Хадакты.

6-го вечером 12 человек выехали в Ключи. Под командованием Данилова они арестовали пьяных семеновцев, из которых два семеновца и поп были расстреляны, а двоим удалось бежать. Не помиловали батюшку за то, что при отступлении красногвардейцев в 1918 году поп участвовал в засаде и расстреливал красных.

Отряд пополнялся в Шехолане, Гореке. Шехоланские и горекинские казаки без особого сопротивления отступили на Аблатукан. Восставшие из Новосалии, Танги, Николаевского, арестовав семеновцев по селам, двинулись к Доронинскому. Под Аблатуканом завязался первый бой, появились первые жертвы. Из подворья кулака Саранчина выстрелами в спину были убиты два бойца-партизана и коман-

дир роты Шевкин.

Видными руководителями восстания стали братья Амос, Даниил, Егор Сущих, братья Бургуловы. Авторитет Амоса Егоровича, участника взятия Зимнего Дворца, бывшего кузнеца Путиловского завода, а затем и участника охраны Смольного, лично видевшего Ленина, был велик. Под стать ему был и Павел, балтийский матрос, участник петроградских событий 1917 года, высок авторитет был и Петра Афанасьевича Аносова. В рядах повстанцев теперь насчитывалось более двух с половиной тысяч человек.

Амосу Егоровичу Сущих, как более опытному в житейских делах, поручили организацию тыла, обеспечение боеприпасами. Быстро сформировали взводы, роты, батальоны, выбрали командиров. Одним из командиров батальона был Даниил Сущих. Заняты были Хадакта, Черемхово, Татаурово. Партизаны без боев продвинулись к Татауровским дачам. Конница под командованием Береснева смелым налетом на лесоразработки освободила пленных. Легкость победы породила беспечность, расслабленность. По железнодорожному мосту прошел японский бронепоезд, из района Межборов выступила семеновская кавалерия с артиллерией и до полка японцев. В разгар боя из орудия бронепоезда начался яростный обстрел.

Действующий на главном направлении Даниил Сущих, командир батальона, был убит наповал, и эта весть о его смерти породила панику в рядах необстрелянных крестьян. Началось беспорядочное отступление. Членам штаба восстания Петру Аносову и Гнилицкому не удалось восстановить порядок, принудить людей занять оборону. Отряды начали отходить. За 4 дня они откатились до Николаевского, теряя в стычках бойцов. К этому времени осталось всего не более шестисот бойцов.

При отступлении на Джилу численность сократилась до четырехсот, не более, человек. Это были алханайцы, жители Куленды, Былыры, доронинцы, дешуланцы и жители Ключей. Стал вопрос, что делать дальше? Амос Сущих, братья Бургуловы и, группировавшиеся вокруг них ингодинцы, заявили, что они пойдут в родные села, будоражить белых. Доводы Аносова, что зимой по одиночке без крепкой защиты отрядом, они будут переловлены по заимкам и зимовьям, не убедили их.

Началась беспощадная расправа. Белогвардейцы обещали всем, кто назовет место приюта партизан, убьет или доставит живьем, большое денежное вознаграждение.

Обессиленный голодом и морозом большевик сапожник Тимофей Васильевич Бесконечников пришел обогреться в Горекацан к своему другу Прокопию Визиреву. Тот дал ему хлеба, напоил молоком. а когда Тимофей Васильевич вышел от него, и пошел через огород — выстрелил ему в спину и убил наповал.

На речке Улелей в зимовье Олимпия Васильевича Капустина были расстреляны Мирон Коновалов, Иван Филиппович Миронов, Филат Александрович Миронов и его отец Александр Миронов.

В зимовье на Жергее был изрублен на куски Иосиф Петрович Кузьмин. Большевик-подпольщика Рассолова каратели облили водой, повесили за ноги и заморозили, а его жену расстреляли около села Николаевского: лишь бы не везти, как было приказано, в Читку, в тюрьму. Сожгли дом и расстреляли семью Артамона Никифоровича Сазонова. Замучили во время пыток Самсона Антиповича Филатова.

В Старых Ключах жителю села Степану Леонтьевичу Кузьмину каратели клинком распороли живот, а кишки растянули по забору. Охотясь по речкам Ушмун и Улан, житель села Ключи Андрей Васильев обнаружил, что здесь скрываются партизаны. Предатель вместе с семеновцем-карателем Колесниковым напали на спящих Петра Матвеевича Кузьмина, Терентия Иосифовича Коновалова и его племянника Терентия, а также Анисима Сазонова и всех зверски убили топорами и кайлой. Здесь же был убит хадактинский учитель Литвинцев.

От рук палачей погибли в Ключах Максим Сергеевич Ларионов, Федор Пахомович Волошин. Константин Злобин в тайге, отстреливаясь, последним патроном убил себя. Семеновцы поставили его на четвереньки, так и заморозили. Семеновский полковник Шильников за то, что четверо сыновей Георгиевского кавалера Пахома Анкудиновича Волошина в отряде Аносова, отдал приказ расстрелять старика, изъять у него два Георгиевских креста и медаль за храбрость.

В ночь на 6 декабря к дому подъехали шестеро семеновцев есаула Колесникова. Постучали. Дед вышел, сбросил всех шестерых с крыльца, а сам сбежал. Он ушел к сыновьям в тайгу, но догнать отряд Петра Аносова не смогли, а когда узнали, что семеновцы из села ушли, вернулись в село.

Белые отбирали у семей партизан имущество, забирали хлеб, скот, особенно лошадей. Чтобы партизаны не могли скрываться по своим заимкам, разобрали по толки зимовий. В крещенские морозы без хлеба, в плохой одежде продержаться в тайге без зимовья трудно даже бывалому человеку. Белая милиция рыскала по таежным закоулкам. По доносу аблатуканского мужика И. К. Саранчина в один лихой час на чьей-то заимке по направлению к Могзону был схвачен Амос Егорович Суших. Его вместе с Забаровским, Гавриилом Писаренко и его семнадцатилетним сыном Михаилом привезли в Доронинское в каталажку. Всех избивали. Особенно избивали Амоса, ему в плече вывернули руку. Потом всех посадили на подводу и повезли по старой дороге в сторону Гореканана. Здесь в 2—3 верстах от села они были расстреляны.

Перед смертью Амос сказал: «Прощайте, родные и друзья, но помните, от кого и за что я погибаю». Каратели запретили поднимать расстрелянных.

Завершив расправу, подпоручик с семеновцами прискакали на заимку Писаренко, где добрые люди приютили детей Амоса. Обращаясь к сиротам, перепуганным появлением карателя, убийца сказал: «Ну, поздравляю вас с сиротством». Старшая из дочерей Амоса узнала на нем бурки и полушубок отца и другие вещи казенных.

— Где вороной жеребец Амоса и томская кобылица? — спросил подпоручик. Поймали, запрягли в кошевку и уехали.

Жену Амоса едва не расстреляли. Ее, бедную, заставили скрести весь залитый кровью мужа и его товарищей пол в избе, где вели допрос. Два дня на коленях она умоляла разрешить похоронить мужа. Начальство «смиловилось», разрешило женщинам с грудными детьми на руках пойти в Улеты, чтобы заказать гробы. В Доронинском изготовить их запретили, похоронить казенных разрешили только за кладбищенской оградой.

В эти же страшные дни Афанасий Егорович Суших посещал ночью деревню, а днем прятался в копнах сена. Обмороженного, его, Андрея и Евграфья Горковенко заприметил свояк житель Доронинского Тетерин. Деться было некуда. Афанасий

залез в пустолед на реке Дороник и спрятался. Семеновцы застрелили Афанасия. Павел Егорович Суших погиб где-то в тайге в районе между Оленгуем и Артой.

За испытанный страх мстили оправившиеся от испуга после ноябрьского восстания кулаки и их верные псы. Шло невиданное по жестокости избиение партизан и их семей. Во время расправ из села Черемхово в Улеты увезли Филиппа Осиповича Мирошникова, казнили, нанеся ему 27 штыковых ран, и закопали за селом в навоз. В Танге, за скрывшегося от расправы сына был зверски убит отец - Авдей Николаевич Прокопьев. За брата был расстрелян Иван Петрович Добрых. Были убиты братья Аверьян Алексеевич и Даниил Алексеевич Богодуховы, расстреляны Никита Фролович Воронин, Игнат Семенович Воронин, Федор Федулович Седунов, Петр Евдокимович Шурман, Никита Романович Журавлев, Аким Николаевич Голубев.

В каждом селе есть братские могилы отважных борцов за народное счастье. В Дешулане похоронено 17 человек, Хадакте - 23, Николаевском - 15, Доронинском - 63, всего около 250 человек.

Нельзя забывать их имена и их братские могилы. Принесите цветы, преклоните колени перед ними в благодарность за их подвиг!

Их скорбный посев помог прозреть бедному люду, и уже в 20 году вместе с частями Красной Армии односельчане погибших громили семеновцев на хадактинском фронте, гнали их к Чите. А 20 октября 1920 года освобождали Читу - столицу Дальневосточной Республики.

Красноярский Г. Казненные, но непокорившиеся // Ленинское знамя. - 1989. - 31 окт. - с. 2.

В ноябре жители нашего района будут отмечать 70-летие Ингодинского восстания против белогвардейцев и интервентов. Трудно сейчас найти очевидцев тех грозных лет, но есть люди, которые по крупницам собирают материалы о героических делах наших дедов и прадедов.

Один из них житель Дровяной, пенсионер Григорий Александрович Красноярский. В этом материале он рассказывает о судьбе земляков, живших и боровшихся за Советскую власть. Со многими людьми встречался Г. А. Красноярский, ознакомился с документами областных архивов. С большим трудом, но восстановил Григорий Александрович списки (хотя и неполные) казненных.

Г. А. Красноярский один из инициаторов создания памятника борцам за Советы. Еще в 1987 году поднимал он этот вопрос, но тогда он так и не был решен.

1 ноября в селе Татаурово состоится открытие обелиска казненным землякам. В районе появится еще один исторический памятник. Так пусть же к нему не зарастает тропа людская.

С падением Советской власти в Чите революционные части отходили вверх по Ингоде для соединения с партизанами Татауровской дачи, Улет и Доронинского.

Первый бой с японскими интервентами произошел на окраине села Татаурово. Малочисленный отряд партизан и красногвардейцев не смог противостоять превосходящим силам интервентов и вынужден был отходить по правой стороне реки Ингоды к Черемхово. Подкрепление, посланное революционным силам, прибыло

на исходные позиции, когда японцы Татаурово уже заняли. Посланные на помощь вернулись в Черемхово, Хадакту.

Интернациональный отряд под командованием Карандашвили принял бой с японцами на островах между Черемхово и Хадактой и полностью вражеское подразделение уничтожил. Старожилы сел вспоминали, как командование других японских частей принуждало местное население транспортировать трупы своих солдат в Читу, где была устроена братская могила погибшим японцам.

Климатические условия Забайкалья в какой-то степени сковывали действия японцев по захвату Татауровской, Николаевской волостей. Им на смену двинулись части атамана Семенова. С их приходом начался кровавый террор над местным населением. С семеновской контрразведкой активно сотрудничали осведомители из числа жителей сел.

В Татаурово действиями карателей руководил осведомитель Томилов. По его указанию были взяты и расстреляны участники партизанского отряда и сочувствующие Советской власти Семен Андреевич Беляев, Никифор Архипович Рожков, Филипп Родионович Ченский, Михаил Иванович Соловьев, Олег Янович Богум, Селивестр Дмитриевич Красинский, Иван Кимович Жуков, Ион Филиппович Куйдин, Павел Егорович Филонцев, Семен Севастьянович Зыков, Семен Федотович Хлюстов, Илья Моисеев, Максим Мокорцев.

При его же участии были загублены супруги Куйдины. Федор Герасимович Куйдин с женой решили скрыться и выехали из села. Бело вардейцы настнг- ли их в Ямках между Татаурово и Черемхово и изрубили на куски.

Партизанская разведка с Мильдигунской дачи установила, кто чинит смерть в селе. Партизаны Григорий Севастьянович Баркеев и Иван Александрович Вотнев, переодевшись в белогвардейскую форму, поздним вечером пришли к Томилову, будто бы по заданию штаба семеновцев, и поинтересовались, есть ли еще в селе большевистские элементы. Список им был тут же передан на более двух десятков человек. Томилова попросили показать дома тех, кто живет поближе... Утром ребяташки обнаружили труп предателя под берегом протоки.

Не миновал террор белых и Черемхово. Старики вспоминали такой случай. Однажды была арестована группа местных жителей, которых каратели повели на расстрел. Родственники обратились с просьбой о помощи к священнику Глебу. Служитель церкви вскочил на коня и помчался к месту расстрела. Или слова его подействовали на карателей, или духовный сан, но расстрел не состоялся. При Советской власти Глеб служил в Улетах.

История Татауровской дачи пообширнее. В Дровяной в 1918—1919 гг. действовала партийная группа в составе Бондаренко Липатова, Щепанского. Ян Янович Щепанский учительствовал, был по национальности поляк. Жители звали его Иван Иванович. Группа была связана с большевистским подпольем Читинских железнодорожных мастерских. Связным был машинист Иван Анисимович Фурманец.

В те годы на территории Татауровской дачи Забайкальской железной дороги были лесобработывающие заводы: в п. Дровяной, Чипчигуре, Мильдигуне, Новый завод. На Гнилушке работал карьер.

Красная армия, освободив от врага Урал, Западную Сибирь, освобождая Прибайкалье, вселяла надежду в людях о скором изгнании из Забайкалья интервентов и белогвардейцев. Но и семеновцы не собирались так легко сдавать свои позиции.

Особое внимание семеновское командование уделяло Татауровской даче, где на лесозаводах, в рабочих коллективах имелись противники режима и велась подготовка к вооруженному выступлению против белогвардейцев и интервентов. В целях устрашения населения поселков белогвардейцы направляли карательные отряды и бронепоезда.

Однажды для уничтожения «осинного большевистского гнезда» прибыли три бронепоезда. По сведениям партизан, в бронепоезде, который остановился под Дровяной, команда была лояльно настроена к Советской власти. Разведчик партизанского отряда, находившегося в четырех-пяти километрах от поселка, Федор Ильич Выскубов получил задание установить связь с ней. Но был схвачен белыми. Каким образом ему удалось освободиться и увести к партизанам несколько семеновских солдат, остается неизвестным.

Тогда партизаны Константин Линков и Иван Александрович Вотенев провели на конях инсценировку по захвату бронепоезда, командуя как будто бы порядочным отрядом. С бронепоезда открыли пушечный и пулеметный огонь. Один из снарядов угодил в железнодорожную станцию.

Эти действия партизан вынудили белых дислоцировать в поселке карательный отряд. Через своих осведомителей Краева и супруг Силантьевых каратели заимели список партизан и сочувствующих им.

В декабре 1918 года карательный отряд прибыл в поселок Мильдигун, окружил завод и арестовал внесенных в список рабочих, которых поместили в подготовленный вагон и привезли в Дровяную. Михаил Дементьевич Бураков и Борис Шкедов во время ареста скрылись в лес и остались живы.

На следующее утро арестованных отконвоировали в волостное управление с. Татаурово. Вместе с арестованными из Пушкины, Улут, Собахи их отвели на Бычий остров, что между рекой Ингодой и протокой, и расстреляли. Раненых добивали выстрелами в упор или рубили саблями.

Во время расстрела один из арестованных А. Я. Москалев попал под убитого, был залит его кровью, и убийцы посчитали его за мертвого. Благодаря чему он остался жив.

Житель Гнилушки Иннокентий Горковенко рассказывал, что в том году он учился в Татауровской церковно-приходской школе. В день расстрела белогвардейцы приказали учительнице Червинской вести учеников на место казни. Ученики уже начали переходить протоку, когда на острове раздались выстрелы. Они повернули обратно. Позднее учителей, мужа и жену, белые расстреляли между борами.

Вот фамилии расстрелянных на острове: Боков, Михаил Бобовский, четыре брата Барашкиных, Иннокентий Воронухин, Михаил Иннокентьевич и Федот Иннокентьевич Воронухины (сыновья), братья Ефим и Федот Гладких, братья Енкины, Иван Куйдин, Варлаам Моисеевич Куйдин, Кабинетский, Филипп Иосифович Мирошников, Тимофей Яковлевич Москалев, Сенотрусов, Станкевич, Дмитрий Скаргин, Яков Семенович Филиппов, Захар Хлюстов, Андрей Борисович Шкедов.

Хочу обратиться к жителям района. У нас есть пожилые люди, которые, возможно, помогут установить фамилии, имена, отчества всех расстрелянных, так как по имеющимся данным в той партии арестованных было 36 человек. Мы должны все знать о том времени, помнить всех погибших поименно.

Полыхала Гражданская война // Улетовский вестник. - 1998. - 6 янв. (№1). - с.2

Почти 80 лет назад в Забайкалье полыхала гражданская война. Горели дома и села, рекой лилась кровь. Белые — красные, наши — семеновцы — простой крестьянский люд, всегда подсознательно противившийся всякой политике, поневоле тягивался в эти разборки. И вот уже брат — белый берет на мушку брата — партизана. Лютое время...

В Доронинском музее хранится много материалов о тех годах — письма, воспоминания очевидцев, документы. В этих строчках и сейчас живет дух того времени. Чем о них рассказывать, лучше прочесть хотя бы несколько писем начала двадцатых.

Вот, к примеру, два письма — переписка между атаманом Семеновым и командиром четвертого Ингодинского партизанского отряда Пакуловым.

Письмо Семенова:

«Главнокомандующий всеми вооруженными силами Походного атамана всех казачьих войск российской восточной окраины, 12 августа 1920 года, г. Чита, станичнику Пакулову.

Неужели Вы не слышали голос и вопли родного Вам Забайкалья. Неужели Вам чужды страдания русского народа, чего же Вы, наконец, глупите. Ведь, если Вы до сих боролись, как Вы об этом говорили, за прекращение гражданской войны и установление мирной жизни, то чем объяснить Ваше настоящее выступление? Ведь Вы сейчас взяли оружие в руки именно в тот момент, когда Ваши же политические руководители — Шилов и Краснощеклов — подписали мирный договор с Японией и со мной, и мы накануне общего мира и спокойствия.

Неужели Вам не надоело бродить по лесу и влачить жалкое существование. Опомнитесь же, народ ваш устал и хочет мира. Не мешайте закончить мирные переговоры, которые близятся к благополучному концу, иначе вспыхнет новая, но более ужасная братоубийственная война, а иностранные государства могут воспользоваться нарушением Вами договора и отнять у нас наше родное Забайкалье. Понимаете ли, Вы своими действиями встали на путь врага всего русского народа. Атаман Семенов».

А вот ответ Пакулова, отправленный из ст. Шилка 16 августа 1920 года:

«Господин атаман. Письмо Ваше получил 14. 08. 1920 г., в котором Вы указываете о том, что я боролся до сих пор за прекращение гражданской войны и установление мирной жизни. Да, Вы правы, но все же не совсем. Я еще не боролся против Вашей реакции, то есть против того жесткого террора, которым Вы притеснили трудовой народ, что, несомненно, по Вашему приказу делали Ваши доблестные офицеры. Нам известна не одна история о таком разбое, какой чинили Вы, атаман.

Просил ли кто из трудящихся быть повелителем и властелином здесь, в родном Забайкалье, Вас? Вы еще изволили именоваться повелителем крестьян всея Руси. Оглянитесь, атаман, назад. Вы увидите целую вереницу вдов, сирот, отцов, матерей, обездоленных, и это все дело Ваших рук, любезный атаман.

Едва ли может быть еще в мире изверг, как Вы, атаман. На совести Вашей лежит тяжкое преступление. Вы искупаны в народной крови, и эта кровь не даст Вам

покоя.

Если Вы человек, но не изверг, и Вы еще указываете мне о каких-то поступках, могущей вспыхнуть войне с японцами, я со своим отрядом стою на той линии, которая мне указана, не мешая осуществлению мирных переговоров между Японией и Народной революционной армией. Я не выхожу из рамок распоряжения своего командования, а если Ваша провокация еще хочет натолкнуть на войну с Японией, так знай, атаман, что Япония, видя Ваши поступки, перестала верить Вам...

Вы теперь трепещете за свою жизнь, а почему не трепещете за те жизни, когда подписывали смертные приговоры. Так будь же ты проклят, атаман, от имени всех сирот, вдов, отцов и матерей, убитых тобою людей.

Командующий 4-го Ингодинского партизанского отряда Пакулов».

И еще одно письмо. От участника тех событий, о которых он помнил спустя десятилетия и разыскивал своих боевых товарищей. Письмо адресовано председателю колхоза имени братьев Сущих и Бургуловых Георгию Амосовичу Сущих.

«Уважаемый тов. Сущих Георгий Амосович!

Извините, что я Вам пишу. Я совсем не знакомый Вам человек. Но в таких делах, какими я занимаюсь, мы все и всегда знакомы.

Я бывший командир 6 роты 13-го стрелкового полка Народно-Революционной армии ДВР, который в 1920 году, весной, вместе с партизанами Ингоды освободил Ингодинский район от семеновцев и японских интервентов. Я, видимо, один из оставшихся в живых бывших командиров 13-го стрелкового полка 2-й Иркутской стр. дивизии, пишу в настоящее время воспоминания о событиях гражданской войны Забайкалья, участником которых я был.

Я окончил курсы красных командиров в г. Казани в 1919 г. и прибыл в Забайкалье в 1920 году вместе с частями 5-й дважды Краснознаменной Красной Армии.

Раньше в Забайкалье я никогда не был, я житель Петрограда (ныне Ленинград). Выбыл из Забайкалья в 1922 году в декабре месяце и с тех пор тоже ни разу там не был, и многое, чему я был свидетелем, улетучилось из моей памяти. Поэтому Ваша помощь мне очень нужна была бы и весьма полезна. Судя по Вашему отчеству, Георгий Амосович. Вы сын Амоса Сущих. Одного из тех героев-партизан, чей прах мы перенесли в братскую могилу в селе Доронинское в апреле 1920 года, когда там был расквартирован наш 13-й стрелковый полк.

Если это так, то Вы, очевидно, больше меня знаете о героях Доронинского восстания, а о них необходимо сказать в воспоминаниях поподробнее.

Наш полк прибыл (по распоряжению главнокомандующего) на помощь партизанам в деревне Н-Салия. Есть ли кто теперь? Ночью в тайге мы встретились с ними, в 2 часа утра пошли в наступление. Из Н-Салия семеновцы ночью удрали, и бой развернулся у следующего села, название села я забыл. Но хорошо помню, с правой стороны от наступления частей моей роты видно было какое-то озеро.

Село это мы заняли. После этого наша объединенная воинская часть стала называться «Ингодинский отряд». Командиром отряда, сначала был тов. Жарков, после тов. Безроднов, адъютантом отряда тов. Можеенко.

Следующий бой был под Хадактой. В первом бою мы ее не взяли. У нас мало было пулеметов, а в Хадакте были, кроме семеновцев, японцы, с большим

количеством пулеметов и артиллерией. В бою мы потеряли около 30 человек. Назавтра Хадакта была занята, и мы хоронили там павших своих товарищей. Напишите, поставлен ли им там памятник?

Когда полк стоял в Доронинском, командиром отряда был тогда, кажется, тов. Безроднов. Я был одним из молодых командиров, мне было тогда 21 год.

Из Доронинского мы двигались на Арту, Татаурово и наконец у разъезда Лесного или Дровяного переправились через реку Ингоду и зашли в тыл г. Читы, оказались в тайге у курорта Дарасун. 28 полков, окруживших тогда г. Читу, не заняли ее. В бой вступили японцы, а В. И. Ленин строго приказывал нам не втягивать Японию сейчас в войну, ибо в наступление из Крыма пошел Врангель, а с Запада — белая Польша. Помню, отступая из-под Читы по тайге, мы попали в какой-то мужской монастырь. Верно, был ли тогда в тайге близ р. Ингоды какой-то монастырь?

После я участвовал в ликвидации «Читинской пробки», и вместе с отрядом «Старика» 22 октября 1920 г. заняли Читу, с отрядом Ивана Пакулова брали ст. Оловянную, Борзю и наконец Даурию. Слышал взрыв церкви, там я был на месте расстрела Унгерном боль-шевиков (близ ст. Даурия) Есть ли там какой-либо памятник? Под ст. Мацневской я был ранен и отправлен в Советскую Россию (тогда) на лечение. И с 1922 года в Забайкалье не был. А, поверьте, как хочется побывать там, где был в молодости и боролся за восстановление Советской власти. Изгоняя из родного Забайкалья семеновцев, каппелевцев, Унгерна, японских интервентов. Эти далекие места мне стали родными, и я теперь часто их вижу во сне.

Память сохранила имена таких товарищей - забайкальцев: Яков Павлович Жигалин (военный комиссар нашей второй Иркутской стрелковой дивизии, он мне иногда пишет из Ленинграда), Иван П. Большаков (учитель), Петр Аносов (Ингодинский партизан, герой), Иван Пакулов, Антон П. Бутрин («Старик»). Не знаю, кто из них (кроме Я.П. Жигалина) живой. Я прошу Вас, товарищ Егор Амосович, ответить на поставленные мною в письме вопросы. Буду очень благодарен.

В настоящее время я еще работаю, несмотря на то, что мне 64 года. Работаю учителем в школе-интернате. Живу все время на Северном Кавказе, куда посылали меня когда-то лечиться.

Извините за длинное письмо. Благодарю за внимание. 21 марта 1963 года.

Герасимов Петр Лаврентьевич.

(Бывший командир 6-й роты 13 стр. полка НРА ДВР)».

Сколько вопросов и сколько тревоги за то, сохраняется ли в памяти потомков память о земляках-героях, в письме П. Герасимова. Летит время, уходят из жизни очевидцы событий Ингодинского восстания, освобождения Забайкалья от интервенции, но память об этом должна жить в потомках.

По материалам Доронинского музея

Беляева Л. Боролись за народное счастье // Улетовский вестник. - 1999. - 24 нояб. (№№ 121-122). - с. 3

Есть братская могила красных партизан в с. Доронинское Много наших земляков пало на этой земле. Среди них были Амос Егорович, Павел Егорович, Даниил

Егорович, Афанасий Егорович, Анемподист Александрович Суших, Андриян Осипович, Ефим Осипович, Платон Осипович Бургуловы и другие односельчане. Ко времени Ингодинского восстания эти товарищи только вернулись с фронтов первой мировой войны. После Урульгинской партийной конференции в Чите был оставлен подпольный комитет РСДРП, который руководил борьбой и схваткой за освобождение всего Забайкалья. В это время казаки под руководством атамана Семенова и при содействии японцев изо всех сил прорывались к Чите. А наши односельчане формировали партизанские отряды, доставали оружие.

«В середине октября 1919 года, — писал позднее Петр Афанасьевич Аносов, — мы имели довольно крепкие партийные организации в селах Улеты, Арта, Ново-Доронинское, Дешулане, Николаевске, Новосалии, Танге. Мы стали готовиться к созыву Ингодинской конференции на 7 ноября 1919 года» Аносов поддержал восстание, отправив в села небольшие отряды с воззванием, в котором говорилось: «Товарищи! Эсеры и меньшевики, пользуясь нашей темнотой в 1918 году, нас обманули, втянули в борьбу с Советами. В результате везде и всюду царствуют нагайка, мордобитие и штык. Настал конец нашему терпению. Мы, трудящиеся верховья Ингоды, поднимаем знамя восстания и призываем поддержать нас!»

И началась борьба партизан с бандами семеновцев. Много поражений имели наши партизаны, их убивали, казнили. изгалялись над членами их семам, но они боролись отважно за народное счастье. В доронинской братской могиле Захоронено 63 человека.

Нельзя забывать их имен и их братские могилы. Принесите цветы и преклоните колени перед ними в знак благодарности за их подвиг!

Общая наша боль, народная трагедия // Улетовские вести. - 2009. - 5 нояб. (№90). - с. 4-5.

Время... Судьбы... Люди... Сколько людей на земле, столько и судеб. В последние годы в сознании каждого человека происходит переосмысление моральных и духовных ценностей и становится страшно от мысли, чем же будут дорожить наши дети и внуки, если сейчас главной ценностью стали деньги, нажива, материальные блага.

Трудно и сложно сейчас судить нам, и судим мы подчас неоднозначно, о том или ином событии в истории страны. Гражданская война - это общая наша боль и народная трагедия Так случилось, что именно село Доронинское в годы гражданской войны в Забайкалье стало центром Ингодинского восстания и многие годы местный колхоз носил имя его руководителей - братьев Суших и Бургуловых. В преддверии 90-летия со дня начала Ингодинского восстания мы хотим вспомнить о тех событиях и людях. Широкою известность с. Доронинское получило в годы гражданской войны в 1919-20гг. В ноябре 1919 года подпольная большевистская организация, опираясь на поддержку крестьян, подняла в селе восстание, вошедшее в историю нашего края под названием «Ингодинское».

С установлением советской власти были созданы большевистские сельские Советы. В это время вернулись с фронта обстрелянные солдаты. Среди них были Амос, Павел, Даниил, Афанасий, Анемподист Суших и Андриян Бургулов Поддержали подпольщиков братья Ефим и Платон Бургуловы.

Недовольные семеновским и японским режимом были во многих селах Николаевской волости «В середине октября 1919 года. - писал позднее П.А. Аносов, - мы имели довольно крепкие партийные организации в Улетах, Арте, Новодоронинском, Дешулане, Николаевском, Танге. Мы стали готовиться к созыву Ингодинской конференции 7 ноября 1919 года». Но 5 ноября 1919 года из Доронинского в отряд Аносова поступило сообщение, что все подпольщики арестованы, село бурлит, вот-вот надо ждать восстания. При подготовке конференции посещение сел связными участилось.

Отдельные партизаны стали терять чувство осторожности. Так, в открытую 30 октября въехали в Доронинское Селинский и Кондратьев с винтовками за спинами, расположились в доме Писаренко и были схвачены. Вслед за этим арестовали братьев Сущих, Бургуловых и Бесконечникова.

Из партизанского отряда Аносова был отправлен взвод, чтобы отбить арестованных, когда их повезут из Николаевского в Читу. Отряд Аносова переправился через Ингоду с большим трудом, так как шла большая шуга. Заехали на мельницу Астахова, где им доронинцы сообщили. «Опоздали вы с уговорами теперь, если хотите присоединяйтесь к нам, а не хотите одни воевать будем...» Отряд вынужден был поддержать восстание.

В селе Доронинское было собрано общее собрание, которое постановило объявить вооруженное восстание, послать нарочных в бурятские улусы и в села, расположенные по Хилку и Чикою, с призывом поддержать восстание. После собрания наспех выбранные командиры формировали взводы, роты, батальоны. Появились первые делегации из Арты, Улет, Новосалии с сообщением, что их села тоже восстали и их отряды движутся к Доронинскому. Был сформирован штаб: Аносов, Андрей - представитель Читинского комитета большевиков, Береснев, Кондратьев, Литвинов, Зыков. Штаб приказал немедленно, не давая противнику опомниться, очистить верховье Ингоды от белых.

7 ноября все верховья Ингоды от Хадаюи до Новосалии были в огне восстания. Штаб вынес дополнительное решение - на случай поражения и отступления в горах создать запасы продовольствия (муки, сухарей, мяса), наладить снабжение фронта продовольствием. Создали оружейную мастерскую в Улетах. Руководителем был назначен Амос Сущих.

На фронте было сосредоточено около 2,5 тысячи бойцов. Правда огнестрельным оружием вооружены были 50%. У большинства были берданки и дробовики.

В первом бою под Хадактой противник был разбит. Кавалерийский отряд освободил пленных красногвардейцев на Татауровских дачах. Под Татаурово фронт окончательно сформировался. Полевой штаб состоял из Кондратьева, Береснева, Селинского. Во главе батальонов стояли вполне надежные командиры. В особенности Даниил Сущих - участник первой мировой войны.

Но легкость победы в первых боях вскружила головы представителям полевого штаба, была ослаблена требовательность к командному составу, в рядах восставших не соблюдалась дисциплина царила беспечность. Было срочно проведено партийное собрание выработан план дальнейшей борьбы, решено было идти на Читу, но на утро все резко изменилось. Разведка донесла, что со стороны «Межборов» продвигаются семеновцы с артиллерией и минометами, проводя обстрел фронта партизан из трех или четырех орудий, а по железной дороге движется японский

бронепоезд, заходя в тыл партизанам.

Отряд, посланный железнодорожный мост, не выполнил задание. Огонь белой артиллерии и движение бронепоезда вызвали панику среди партизан. Полевая артиллерия и японский бронепоезд из орудий обстреливали партизан. Шальной картечью убило Даниила Суших. Команду на себя принял его брат Амос. Партизаны отступают. Настроение подавленное.

За четыре дня партизаны отступили до села Николаевское. Японцы и белые неотступно их преследуют. Осталось около 600 партизан. Они решают отступать в горы. Некоторые из окрестных сел возвратились в свои деревни и скрывались в сопках на заимках. Холод и голод гнали партизан в родные села, где они могли добыть провизию, одежду, а белогвардейцы и японцы установили жесткий контроль за всеми дорогами, ведущими к селам. В селлах был установлен комендантский час. Постоянно дежурили патрули. И всех партизан которые появлялись в селлах, преследовали, так погибли и братья Суших, Бургуловы, Писаренко, Бабины, Щелканов, Астахов и другие. Из села Доронинское погибло 63 человека. В районе - более 350 человек.

После гибели братьев Бургуловых в село вернулся их друг Феоктист Дмитриевич Нечухаев. На месте гибели друзей он поставил большой крест в их память. В 1937 году, попав под репрессии и сидя в тюрьме он пишет поэму, посвященную памяти братьев Бургуловых, на крохотных клочках папиросной бумаги, эти клочки он зашил в свою шапку и забыл о них. Когда он вернулся домой из лагеря, жена стала перешивать эту шапку для маленького сынишки и нашла эту книжечку. Дети зачитали ее, и впоследствии она затерялась. И только в 1954 г, когда Ф.Д.Нечухаев восстанавливал свою память после инсульта, он вспомнил поэму. Но это была совсем другая поэма. В 1990 году В.Ф.Нечухаева прислала ее в Доронинский музей.

Василевский В.И. Борьба за советскую власть в Забайкалье [Текст] / В. И. Василевский - Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. - с. 90 - 91.

Драматические события развернулись в конце 1919 г. в верховьях Ингоды. В ноябре 1919 г. здесь вспыхнуло восстание против семеновских палачей, вошедшее в историю гражданской войны в Восточном Забайкалье, как Ингодинское. Восстание не было случайным или стихийным. Оно заранее готовилось подпольными большевистскими группами.

Восстание началось в ночь на 6 ноября 1919 г. Для руководства им был создан Военно-революционный штаб, в который вошли П. А. Аносов (председатель),

А. Ф. Гнилицкий, Н. Д. Зыкин. Повстанцы очистили от белогвардейцев с. Ново-Доронинское, а затем Гореку, Аблатукан, Бальзой. Оттеснив семеновцев на Читинском направлении за с. Татаурово, восставшие создали непосредственную угрозу Чите с юга. Это серьезно обеспокоило белогвардейские власти, к ним на помощь пришли японские интервенты. Объединенные силы врага 13 ноября перешли в контрнаступление. Недостаточно организованные и плохо вооруженные

отряды повстанцев потерпели поражение и отступили за реку Джилу. Поражение Ингодинского восстания было последним успехом семеновских палачей.

Василевский В.И. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье [Текст] / В. И. Василевский - Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. - с. 172 - 174.

Со второй половины 1919 г. начался рост партийных организаций в верховьях Ингоды. В селах Улеты, Татаурово, Арте, Новом и Старом Доронинском, Дешулане, Николаевском, Ново-Салии и Танге сложились довольно крепкие большевистские группы. В Доронинском организаторами такой группы были три брата Сущих и два брата Бургуловы.

В конце октября на реке Оленгуе, в 30-40 километрах от с. Доронинского, появился партизанский отряд под командованием П. А. Аносова, прибывший с Онона. Из этого отряда в Доронинское явились два партизана — Силинский и Писаренко, которые были выслежены семеновскими сыщиками и арестованы. Узнав об этом, братья Сущих и Бургуловы с товарищами напали на конвоиров, сопровождавших Писаренко и Силинского в Читу, и освободили арестованных. Всем участникам дерзкого налета грозила расправа, но они решили не спасаться бегством, а наоборот, перейти к активным действиям, так как видели, что момент для этого вполне назрел: доведенные до крайности грабежами и произволом семеновцев, жители Доронинского только ждали сигнала к восстанию.

И сигнал прозвучал: 6 ноября звон колокола созвал крестьян на собрание. Единогласно было принято решение поднять восстание. Выделили и разослали своих гонцов по другим деревням и селам с призывом присоединиться к восстанию, известили партизанский отряд П.А.Аносова. Стали формироваться боевые отряды и в других селах верховья Ингоды. Для руководства восстанием создали Военно-революционный штаб, в который вошли П.А.Аносов (председатель штаба), А. Ф. Гнилицкий (представитель от читинской подпольной большевистской организации), Н. Д. Зыкин, Берестнев, Кондратьев и Литвинцев.

Первая стычка восставших с семеновцами произошла в с. Хадакте, вторая в дер. Черемхово. В обоих случаях победа осталась на стороне повстанцев; белые бежали, побросав оружие и боеприпасы. Ко второй годовщине Октябрьской революции — 7 ноября 1919 г. восстанием было охвачено все верховье Ингоды от Хадакты до Ново-Салии.

Но восставшие были очень плохо вооружены. Половина из них вообще не имела огнестрельного оружия, остальные были вооружены берданками, дробовиками и даже кремневками; только у 20 процентов бойцов были боевые винтовки.

Японские оккупанты и белогвардейцы располагали тогда еще достаточными силами, чтобы подавить такое восстание. Это ясно видели читинские большевики-

А.Е.Сущих

подпольщики, и они предупреждали руководителей партийной организации Ингодинской группы повстанцев о нависшей над ними угрозе, советуя им немедленно переходить к партизанским методам войны, оставляя в селах лишь часть хорошо законспирированных партийных работников. Однако первые успехи вскружили головы кое-кому из руководителей восстания. Повстанцы оставались в захваченных селах, проводя здесь выборы в Советы и провозглашая свержение ненавистой власти семеновцев.

А.О.Бургулов

А между тем враг, стянув под Татаурово большие силы, нанес здесь первый удар восставшим и стал быстро продвигаться вверх по Ингоде.

Повстанцы дрались героически. Так братья Ефим и Андриан Бургуловы вместе с двумя другими партизанами, укрывшись за стогом сена, отбивали атаки целого подразделения семеновцев. Семеновцы открыли по стогу огонь из орудия и подожгли его. Охваченные пламенем партизаны запели «Смело, товарищи, в ногу». Они сгорели, но не сдались врагу.

Мученической смертью погибли и другие инициаторы восстания — братья Сущих.

Д.Е.Сущих

Превосходя восставших, как численно, так и особенно вооружением, белогвардейские и японские части за четыре дня дошли до с. Николаевского. Повстанцы несли большие потери. К концу ноября их осталось всего около 400 человек. Они разбились на небольшие отряды и отступили в горно-лесные районы.

А в селах начались массовые расстрелы. Только по приказам полковника Шильникова был расстрелян 71 человек. Вся долина реки Ингоды была усеяна могилами расстрелянных и погибших в ноябрьских боях против японских интервентов и белогвардейцев.

Ушаков М.Г. По долинам и по взгорьям... Из воспоминаний забайкальского партизана / М.Г. Ушаков. – Чита: Читинское книжное издательство, 1960.

Осенью 1919 года в с. Ново-Доронинском на р. Ингоде крестьяне: четыре брата Сущих — Амос, Даниил, Павел и Афанасий Григорьевичи, учитель Бургулов Ефим Осипович с братьями Адрианом и Платоном создали революционную организацию, в которую, кроме них, вступили также И. Бабкин, Г. Писаренко и многие другие крестьяне с. Ново-Доронинского и других окрестных сел. Эта организация установила связь с отрядом Аносова и повела работу среди крестьян, вовлекая их в борьбу против белых и интервентов. В начале ноября семеновская контрразведка узнала о существовании в с. Ново-Доронинском подпольной организации и аре-

ставала несколько человек. Это ускорило ход событий. Новодоронинцы напали на конвой и отбили арестованных что фактически явилось началом вооруженного восстания. Срочно сообщили об этом Аносову, который со своим отрядом пришел в с. Новр-Доронинское 6 ноября 1919 года. Организованный штаб руководства восстанием сформировал батальон пехоты из 300 бойцов, командиром которого избрали Д. Сущих.

А.Е.Сущих

Повстанцами были заняты села: Николаевское, Гарека, Танга. Весь район верховьев р. Ингоды фактически оказался в их руках. Двинувшись вниз по р. Ингоде по направлению к Чите, повстанцы с небольшими стычками с белыми прошли села Аблатукан, Улеты, Черемхово, с боями заняли Татаурово и двинулись к линии железной дороги, к станциям Кука и Ингода. Семеновское командование всполошилось:

повстанческое движение быстро и широко развернулось уже недалеко от Читы. Против повстанцев были брошены большие силы белогвардейцев и японских войск с артиллерией.

П.Е.Сущих

Произошел ожесточенный бой. Повстанцы не выдержали, началось беспорядочное отступление. Абсолютное большинство повстанцев из ближайших сел разошлось по домам, часть скрылась в лесах. Аносов ушел в тайгу и после долгих скитаний, преследуемый везде семеновскими отрядами, с остатками своей группы вышел в верховья р. Чикоя.

Семеновцы наводнили район восстания карательными отрядами и жестоко расправились с повстанцами, убили четырех братьев Сущих, трех братьев Бургуловых, всего погибло более 300 человек.

Годы и люди. Статьи и очерки об участниках борьбы за Советы в Забайкалье. – Чита: Читинское книжное издательство, 1960. - с. 327 - 335

Г. СУЩИХ ИНГОДИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Доронинское село большое: 400 дворов, около двух тысяч населения. Между лесистых сопок протекает красавица Ингода. По берегам заросли черемухи и яб-

лонь, небольшие луга. А дальше на сотни километров по Яблоновому хребту раскинулась тайга. В ней бродят лоси, изюбры, косули. Тайга полна боровой и водоплавающей птицы.

Но не всем жилось хорошо в селе Доронинском, тяжел был труд крестьян. Ведь тогда все делалось вручную.

В 1914 году на село, как и на всю страну, обрушилось большое горе. В тот день все взрослые были в поле. Всадник с красным флажком подсакивал то к одним, то к другим, выкрикивая: «Война! Война с Германией!» У людей вывалились из рук серпы и косы. Женщины голосили на все поле. Так голосят на кладбище.

У Амоса Егоровича Сущих было пять братьев. Двое из них — Данила Егорович и Иван Егорович — уже отслужили в армии. Третий — красавец Павел — был моряком. Его служба на флоте уже подходила к концу.

Мобилизация была в самом разгаре, на фронт отправлялись все новые и новые полки. Взяли и Амоса Егоровича Сущих. Он был кузнец и поэтому его отправили в Петроград на Путиловский военный завод. Взяли и других братьев, кроме инвалида Данилы Егоровича.

Проходили месяцы и годы, а война не утихала. От многих доронинцев перестали приходить фронтовые письма. Слезам и горю не было конца. Прекрасные поля зарастали бурьяном. В армии не хватало оружия, боеприпасов и продовольствия. Нарастал гнев народный. Война всем надоела. На фронте началось братание немецких и русских солдат. Рабочие голодали. И вот пришел конец терпению, вспыхнула революция. Амос Егорович, как путиловский рабочий, стоял в первых рядах борцов за власть Советов. В дни Октября перед путиловцами выступил В. И. Ленин. Он разъяснил рабочим, с кем и за что должен воевать рабочий класс.

Амос Егорович и брат его Павел были участниками взятия Зимнего дворца. Павел Егорович много плавал, несколько раз был за границей, встречался со многими интересными людьми, он многое узнал, понял и, не колеблясь, встал в ряды большевиков.

В 1918 году стали возвращаться солдаты. Вернулись с фронта и Амос с Павлом и их братья Александр и Афанасий. Недолго продержалась Советская власть в Забайкалье. В августе 1918 года иностранные интервенты и белогвардейцы разгромили ее. Вернулись старые порядки. Свобода, за которую так страстно боролись Амос и Павел, была отнята у народа. Японцы, при поддержке буржуазии и кулаков, насадили своих агентов и полицейских в каждом селе и поселке. Они хотели задушить революцию. Амос и Павел решили действовать. Нужно было сначала собрать ядро из верных людей.

Жили в Доронинском три брата Бургуловы: Ефим, Платон и Андриан. Стройные, красивые, как на подбор. Братья жили очень дружно. До войны Ефим работал учителем, Платон и Андриан занимались столярным ремеслом. Оба они вернулись с фронта и снова занялись мирным трудом. У Ефима было несколько ульев, и братья частенько собирались пить чай с медом, к ним наведывались и Амос с Павлом. Бывало, сойдутся и пошел разговор о жизни. Не нравились Бургуловым старорежимные порядки, всей душой ненавидели они семеновцев и японских интервентов. Как-то Амос и Павел завели речь о создании подпольной организации. Братья Бургуловы так и воспрянули. Они только этого и ждали. Тут же договорились, кого привлечь в организацию, где собираться. Вскоре организация выросла до тридцати человек. Люди были все надежные. Собрались ночью у Амо-

са и решили взять на учет все имеющееся оружие, боеприпасы, договорились хранить тайну организации, установить связь с Читой и с партизанским отрядом, который находился где-то далеко в тайге.

Так начала действовать Доронинская подпольная организация. Все чаще и чаще стали приезжать представители подпольной большевистской организации Читы. Они помогали организовать партийную конференцию, намеченную на 7 ноября 1919 года. Начальник волостной полиции Баранчук уже не раз допрашивал Амоса, распекал доронинского старосту Куташова и его сына полицейского. Они клялись все раскопать, найти виновников, не жалея денег, нанимали агентов, сами выбивались из сил, но все было напрасно. Наконец, из Читы примчался офицер с карателями и арестовал Амоса. Сделали в его доме обыск, допросили десятки людей, но улики никаких не нашли и вынуждены были освободить Амоса Егоровича. Тревожно стало в Доронинском. Подпольщикам почти невозможно было собраться.

Вскоре в селе появились два партизана - Писаренко и Силюнский. Их арестовали и отправили под конвоем в Читу. Подпольщики задумали перехватить их на дороге и освободить. Так и сделали.

Белогвардейские семеновские власти решили арестовать до 40 человек участников освобождения партизан. Об этом узнали организаторы освобождения партизан. Это и привело к стихийному восстанию, которое началось в селе Доронинском.

В ночь с 6 на 7 ноября 1919 года восставшими были арестованы ярые семеновцы Нечухаев и Белкин. Куташовы, отец с сыном, успели скрыться. Под утро прискакал партизанский отряд Аносова. К восставшим приходили добровольцы. Сразу же начали формировать отряд. Было решено часть отряда отправить вверх по Ингоде, а другая часть отряда должна была спуститься вниз по Ингоде. И хоть этой же ночью враги восставших успели сообщить о случившемся волостной полиции в с. Николаевском, а сын Куташова успел предупредить казаков села Горетки, все же отряду восставших, двинувшемуся вверх по Ингоде, удалось быстро занять села всего района.

Жители сами стали расправляться со своими врагами. Богатые казаки, полиция и всякие контрреволюционеры в панике бросились к Чите, минуя Доронинское. Они все собрались в Аблатукане. Тут и произошел бой. У белых оказался пулемет. Он задержал отряд повстанцев. Пришлось мобилизовать новые резервы и только лишь после этого белые были выбиты из Аблатукана.

Не прошло и двух недель, как восстанием был охвачен весь район долины Ингоды. Формировались новые отряды. Но не было оружия и боеприпасов. Добровольцы прибывали, надеясь раздобыть оружие у белых. В Доронинском спешно организовали примитивное изготовление боеприпасов, но их, было ничтожно мало. Заняв село Татаурово, повстанцы встретились с крупными силами семеновцев и японцев. Завязался бой. Против повстанцев выступили хорошо вооруженные, численно превосходящие регулярные войска белых и японцев. В первом же бою был убит командир передового батальона Сущих Данила Егорович. После этого цепи восставших дрогнули и начали отходить. Враг воспользовался замешательством, пошел в наступление. Повстанцы уже не смогли сопротивляться. Они бросились в глубь района. Так начался разгром Ингодинского восстания. Японцы и

семеновцы лавиной двинулись за отступающими. Началась кровавая расправа. Часть повстанцев ушла в лес, часть решила разойтись по домам. Отряд доронинцев, во главе с организаторами Ингодинского восстания братьями Сущих и Бургуловыми, ушел в тайгу.

Ноябрь 1919 года подходил к концу, завернули крепкие морозы, выпал снег. Утро 25 ноября было тихое и ясное. Село Доронинское затаилось. Лишь изредка на улице мелькнет тревожно спешащий человек. И вдруг из-за горы с гиканьем вынеслась сотня, вторая белоказаков. Они рассыпались по всему селу, врываются в избы, требовали указать красных. Дети Амоса и Данилы Сущих, чуя беду, сбежались в одну избу. Бандиты, узнав, где жили организаторы восстания, бросились в их дома и стали искать детей. Мы и наши матери уже были готовы к смерти.

На одном из казаков, видимо, командире взвода, мы увидели барчатку и бурку Данилы Сущих.

— Амос и Данила убиты,—похвалялся казак. - Скоро и до вас дойдет срок! Ни одного корешка от большевиков не оставим!

Нас, детей, поразгоняли плетками, с матерей требовали водку и закуску, начались обыски. Тащили все, что попадало на глаза, вплоть до учебников и карандашей, вводили скот. Вываливались из избы одни, тут же врываются другие и снова начинался грабеж. За два дня все родные партизан остались в лохмотьях, без продуктов. Мы все время жили под страхом смерти, прятались у соседей. Жены партизан ждали расправы. И скоро началось издевательство, насилие. Слезам и горю не было конца.

Черные тучи нависли над селом. Часть из восставших осталась дома, надеясь, что гроза пройдет мимо. Доронинское будто вымерло. Где веселые разговоры, песни? Жители в страхе притаились. Только пьяные семеновцы и японцы гарцевали по улицам да порой проводили арестованных участников восстания. А лишь только темнело, раздавались выстрелы, это расстреливали доронинцев, расстреливали по одному и группами, без суда и следствия. Староста Куташов и его сын, стараясь выслужиться, строчили все новые и новые списки сочувствующих большевикам. Командир карателей полковник Шильников приказал местным жителям не выезжать и не выходить из села, не собираться группами, с 8 часов вечера до 8 утра не появляться на улицах, не оказывать помощи семьям партизан, не принимать их в домах, не разговаривать с ними. Так японские интервенты и белые бандиты начали восстанавливать свои порядки, принялись создавать дружины из предателей для охраны сел и вылавливания партизан.

В 1919 году стояла суровая и очень снежная зима, особенно глубокий снег был в тайге. Восставшие оказались неподготовленными к партизанской войне. В лесах не было создано запасов продуктов и фуража, все села оказались в руках карателей. Морозы, снег, голод - все это было на руку белым и губительным для партизан. Ушедшие разбились на два отряда и направились в разных направлениях. Каратели преследовали их.

Сильные морозы и глубокий снег мешали партизанам оторваться от противника. Белые устроили засаду и ночью окружили партизан в пади Аленгуй. Здесь произошел бой, в котором был убит Сущих Анемподист Александрович, двоюродный брат Амоса. Моряк Павел Сущих был схвачен живым. Каратели издева-

лись и глумились над ним до тех пор, пока не перестало биться его сердце, сердце большевика. Изуродованного Павла долго не разрешали хоронить.

Часть партизан вырвалась из окружения и скрылась в тайге. Они терпели исключительно большие трудности. Продуктов не было, одежды не хватало, после боя осталось только три лошади. На совете решили все же направить людей за продуктами, хоть и были всюду каратели. Выбрали родное село — Доронинское. К нему знали каждую тропку. Все-таки там свои люди, дадут хотя бы хлеба. Это опасное дело поручили Афанасию Сущих, Евграфу Горковенко и Андрею Горковенко. Тяжелое было поручение. Около ста километров пробивались тайгой, такими местами, чтобы никто не натолкнулся на следы. Все тропы находились под наблюдением вражеских патрулей.

От этой вылазки зависела судьба отряда. Наконец, с большим трудом товарищи пробрались к Доронинскому. В нескольких километрах от села оставили лошадей, и все трое ночью направились в село. Пробираясь огородами, они незаметно проскользнули к домам, разбудили старика Носырева и от него узнали обо всем, что делалось в селе, уговорили его связаться с надежными людьми и организовать сбор продуктов. Двое суток односельчане, рискуя жизнью, собирали продукты. И все это время три партизана дрогли в трескучий мороз в чаще леса. Разжигать костер нельзя. В назначенный срок партизаны явились за продуктами. Среди темноты удалось незаметно провести и трех лошадей. Быстро и бесшумно навьючили их и только хотели выехать, как вдруг раздался крик:

— Стой! Будем стрелять!

Три партизана бросились в темноту. Началась стрельба, сбежались каратели, окружили двор, но партизаны исчезли, остались только навьюченные лошади.

Это событие оказалось роковым для всего отряда. Три партизана, без продуктов, в одних легких фуфайках, скрылись кто куда. Евграф Горковенко ушел в село Арту. Там его схватили и расстреляли. Андрей Горковенко нашел убежище в селе Бальзой. Афанасий Сущих снова решил попытаться достать лошадь и продукты для отряда. Дней шесть он скрывался в лесу, неизвестно чем питаясь. Заметив в степи лошадь, он ночью подошел к стogu, надеясь подманить ее сеном, но это ему не удалось. И тут он был обнаружен белыми. Несколько десятков их обстреливали стог, предлагая сдаться, но Афанасий отвечал выстрелами и проклятиями тем, кто продал свою честь и совесть. Бандиты, усилив обстрел, ранили Афанасия в правую руку. Винтовка выпала. Тогда он бросился бежать, чтобы не попасть живым в руки палачей. Вражеская пуля угодила в голову Афанасия Сущих. Так погиб этот борец за свободу. Ему тогда было 25 лет.

С новой силой вспыхнули издевательства над родственниками партизан. Жен их с грудными детьми гнали по морозу 175 километров в Читинскую тюрьму.

...Не дождавшись своих посланцев, отряд решил разбиться на небольшие группы по 3—4 человека, проникнуть в села, обеспечить себя продуктами, а затем пробраться к железной дороге и на станции Могзон осторожно пройти на явочные квартиры.

В первой группе шли Амос Сущих и два брата Бургуловых—Ефим и Андриан. Ночью пробрались они в Доронинское. Амос зашел к брату Ивану, а Бургуловы к своей сестре. Утром, лишь только рассвело, предатель Тетерин увидел на снегу следы Бургуловых. Он забежал в избу и стал кричать хозяйке: «Кто к тебе ночью

приходил?» Братья сидели в подполье. Тетерин бросился в штаб. Ефим и Андриан побежали из села, думая успеть скрыться в лесу. Когда белые на лошадях стали наступать их, братья укрылись в стогу.

Прапорщик Лебединский и его помощник бросились за Бургуловыми. Не доезжая до стога, они остановились и предложили сдаться, обещая Бургуловым сохранить жизнь.

Нас много! Видите, сколько здесь казаков? Сдавайтесь! А то погибнете!

Мы погибнем, но красное знамя все равно взвоется над миром! - гордо крикнул один из братьев.

Грянули выстрелы, и Лебединский со своим помощником рухнули на снег. Началась перестрелка между двумя изнуренными партизанами и сотней белоказачков. Бургуловы стреляли редко, но метко. Только к вечеру стихли выстрелы. Нашлись смельчаки, которые подкрались к стогу. Убедившись, что герои мертвые, они подожгли его. Стог жарко пылал в темноте, как еще недавно пылали жизни этих двух бесстрашных борцов. Далеко было видно пламя его, грозное для врагов и теплое для друзей.

Амос Сущих весь день просидел в подполье. Но боясь подвести семью брата, он ночью собрал в котомку кое-какую еду и вышел из Доронинского к Могзону. Чтобы скрыть следы, приходилось пробираться глухими местами. А сил не хватало. За ночь он прошел километров 20. Костер разжечь было опасно. Амос Егорович почувствовал, что заболел. Во вторую ночь он прошел километров 10 и свалился. Днем уснул в лесу, но белые уже напали на его след. Сонного они сумели взять его живым. Враг ликовал.

- Ага, попалась жар-птица! - кричали бандиты.

Его привели в Доронинское. Сюда же прибыло начальство. Приехал Баранчук и начались пытки. Руки у Амоса Егоровича были связаны. Его били, плевали ему в лицо, требуя раскаяния, но большевик был тверд. После долгих издевательств его вывели на улицу. Лицо партизана было совсем разбито, одна рука переломлена, ноги не двигались. Его тащили. Увидев свет и народ, Амос Егорович Сущих крикнул:

- Прощайте, друзья и родные! Помните, за что и от кого я погибаю!

Опять удары. Повозка тронулась.

Героя расстреливал сам Баранчук...

Так погибли почти все товарищи из отряда.

Кровь, пролитая доронинцами, не пропала даром. Восставшие оттянули на себя значительные силы семеновцев и японцев и этим помогли Красной Армии. Ингодинское восстание всколыхнуло и другие районы. Люди брались за оружие по примеру доронинцев.

22 апреля 1920 года доблестная Красная Армия взяла Могзон. Народ ликовал. Над Доронинском снова развевался красный флаг, обгаренный кровью лучших людей. За время восстания и борьбы с белыми из села Доронинского погибло шестьдесят три человека.

В то время в Доронинском стоял 13-й полк Народно-революционной армии ДВР. Бойцы и жители решили перенести прах всех героев в братскую могилу. Ее устроили на самом красивом месте. На эти похороны собрались тысячи людей, из Доронинского и окрестных сел. Вместе с бойцами Народно-революционной армии

они дали клятву довести до конца то великое дело, ради которого пали лучшие люди села.

В 1930 году в Доронинском организовался колхоз имени братьев Суших и Бургуловых. Первым председателем был сын Амоса Егоровича - Михаил Суших. Сейчас внуки героев с почтением вспоминают суровые дни, когда в Забайкалье, полыхала борьба за народную Советскую власть.

Василевский В.И. Дела легендарных дней [Текст] / В. И. Василевский - Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1970. - с. 42-44

На юго-запад от Читы, вверх по реке Ингоде, привольно разбросались села, входящие ныне в Улетовский район. В ноябре 1919 года в этом районе вспыхнуло восстание против семеновских палачей. Это восстание, вошедшее в историю гражданской войны как Ингодинское восстание, не было случайным или стихийным. Оно заранее готовилось подпольными большевистскими группами, создавшимися почти во всех селах этого обширного и важного в стратегическом отношении района. В селе Ново-Доропинском подпольную группу возглавил участник штурма Зимнего Амос Егорович Суших. В группу вошли его братья Даниил, Павел, Афанасий, А. И. Михайлов, П. А. Носырев, Г. Н. Писаренко, братья Бургуловы Ефим, Абрам и Платон, Л. Д. Сумароков и другие. В татауровскую подпольную группу входили С. П. Шалаев, Е. И. Букин, С. Д. Красинский, Е. А. Днепровский, К.Е. Днепровский и другие. В Арте — И. И. Воробьев, Д. Л. Наханович, А. Бельченко, братья Замковы и другие. В Ново-Салии группой, в которую входили Я. Кузьмин, А. Худяков, С. Яковлев и другие, руководил Я. Рассолов. Подпольные группы патриотов существовали в Николаевском, Танге, Дешулане и в других селах.

Ингодинские подпольщики установили связь с читинскими, которые провели большую работу по организации и координации действий подпольных групп. Так, весной 1919 года в Татаурово прибыл представитель Читинского подпольного комитета т. Роза, прошедший ряд совещаний с подпольщиками и передавший им директивы подпольного комитета.

В августе 1919 года в |верховья Ингоды выехали представители Читинского подпольного комитета А. Ф. Гнилицкий, Н. В. Зыков, которые под видом купцов объехали все села, готовя на осень 1919 года конференцию представителей всех подпольных групп.

А.Ф.Гнилицкий и Н.В.Зыков установили связь с подпольными группами Танги, Ново-Доронинского, Арты, Улет и договорились созвать в сентябре 1919 года конференцию представителей подпольных групп верховьев Ингоды, чтобы обсудить план вооруженного восстания. Для подготовки конференции была создана организационная группа в составе Рассолова (Танга), Бургулова (Ново-Доропинск), Нахановича (Арта), Малафеева (Улеты) и Богодухова (Татаурово).

От читинских подпольщиков ингодинские подпольщики получали оружие и боеприпасы. В Читу за оружием ездили С.П.Шалаев, Е.А.Днепровский, О.И.Бобышев и братья Бургуловы. Только И.А.Вотенов привез из Читы 49 винтовок, много гранат и патронов. Оружие доставлялось небольшими партиями через жившего в Куке Е. Шишкина. Кроме Читы ингодинские подпольщики установили связь с прибывшим в верховья Ингоды партизанским отрядом П. А. Аносова.

Ингодинское восстание началось раньше, чем намечалось. Оно было ускорено тем, что в ночь на 30 октября 1919 года в селе Ново-Доронинском семеновской милиции удалось обнаружить проходившее в доме В.Л.Писаренко нелегальное собрание, на котором, как сообщал начальник Забайкальского областного управления государственной охраны генерал Иванов, присутствовали «пять неизвестных лиц и жители с. Доронинского Е.Бургулов и Т. Бесконечников». Семеновцам удалось арестовать участников собрания, представителей партизан Писаренкова и Силинского, но по дороге в Читинскую тюрьму они были освобождены подпольщиками. Это ускорило начало восстания.

Вооруженное восстание началось в ночь на 7 ноября 1919 года, и для его руководства был создан военно-революционный штаб в составе П. А. Аносова — председатель, А. Ф. Гнилицкого, Н. Д. Зыкина, Береснева, Кондратьева и Литвинцева. В первые дни восстание развертывалось успешно. От семеновцев восставшие очистили большой район верховьев Ингоды, оттеснив их на читинском направлении за село Татаурово. Однако на помощь белогвардейцам выступили японские интервенты, и объединенными силами белогвардейцев и интервентов удалось разгромить повстанцев. Отряды партизан отошли за реку Джилу, но многие подпольщики остались в районе своих сел для продолжения борьбы. Началась зверская расправа над ними. Только в Ново-Доронинском карателями было убито 63 человека. Среди погибших были А. Е. Сущих, П. Е. Сущих, братья Бургуловы и многие другие.

Подавление Ингодинского восстания было последним успехом семеновцев. Партизанское движение продолжало нарастать, приближая неизбежный разгром антинародного режима.

Борьба за Советы в Забайкалье. Сборник статей, материалов и документов. / Под редакцией Г. Грунина. — Чита: ОГИЗ Читинское областное издательство, 1947. - с.158 - 174.

П. Аносов

ИНГОДА—ЧИКОЙ

В 1919 году бои на Восточно-Забайкальском фронте развертывались с переменным успехом. Из района Акши партизаны продвигались к Чите, часто нападая на семеновские и японские части. В июле и августе произошло несколько небольших боев около курорта Дарасун. Партизаны заняли Дарасун. Но семеновцы подтянули свежие силы и на Березовом мысу между селом Бальзино и Дарасун разгорелся бой, который показал, что перевес сил на стороне белых. Они собрали в этом месте большой кулак, заняли Дарасун, Кусочи, Красный Яр, Илю...

Партизаны стали отходить к Ингоде. Там тогда назревали большие события. Район, расположенный в верховьях реки Ингоды от станции Кука до отрогов Яблонового хребта, собирал свои силы для решающих ударов по врагу.

К Ингоде отступал и наш Алханайский отряд. После боя с читинскими юнкерами и чехарами-монголами под Парфентьевской заимкой, мы вырвались из полукольца и горами ушли к речке Кокур.

В села Доронинское, Арта, Улеты, на Татауровскую дачу, где работало много пленных — бывших красногвардейцев, поехали наши посланцы, чтобы связаться с

местным активом, восстановить партийные связи. Выдвигалась задача - при успешном продвижении Красной Армии из-за Урала подготовить и поднять здесь восстание. Связи быстро были установлены и работа закипела. В селе Доронинское скоро начали действовать большевики, объединившиеся вокруг четырех братьев Сущих, братьев Бургуловых и других. В Арте создали штаб-квартиру.

Для связи с подпольным комитетом большевиков послали в Читу своего человека. Наш посыльный попал в Читу как раз в момент провала подпольного комитета, когда «Костя» — член подпольного комитета был убит при аресте, и мы связи не установили. Но скоро было получено сообщение, что для связи к нам выехали два товарища—Андрей и Николай (Гнилицкий и Зыков). Разъезжая по всем селам под видом медицинских работников, учителей и купцов, мы стали готовиться к Ингодинской конференции, которую намечали на 7-ое ноября 1919 года. Работать приходилось в тяжелых условиях, так как повсюду действовали белогвардейские шпионы. Но конспирация у нас была организована хорошо. Помню случаи, когда устраивали в крестьянских домах гулянки и в то же время, где-нибудь в бане, проводили собрание с докладом о текущем моменте.

В середине октября 1919 года мы имели довольно крепкие партийные организации в селлах: Улеты, Арта, Ново-Доронинское, Дешулан, Николаевское, Ново-Салия, Танга. По утвержденному тогда положению, в отряд к нам входили только новобранцы, подлежащие призыву, да те, кому угрожал арест. Всякий, кто имел возможность проживать легально должен был оставаться на месте и выполнять наши задания.

Работа развертывалась успешно. Мы поздно вечером приезжали в нужное нам село, проводили собрание или совещание актива и перед утром вновь уезжали. Но отдельные наши товарищи стали забывать осторожность, проявляли ненужное ухарство. К сожалению, с опозданием мы узнали, что прикрепленные к селу Ново-Доронинское т. Силинский и Кондратьев иногда, не дожидаясь темноты, въезжали в село, проезжали на конспиративную квартиру с винтовкой за плечами. Их уже знало все село. Даже днем они, нисколько не опасаясь, ходили по селу, не скрывая оружия. 1 или 2 ноября Силинский и Кондратьев после бани спокойно пили чай в квартире Василия Портного. Зашли два семеновца и, конечно, арестовали «храбрецов».

Узнав об этом, мы из отряда немедленно выделили взвод, чтобы отбить арестованных, когда их повезут из Николаевского в Читу.

Из Доронинского поступили новые тревожные вести. Прискакавший нарочный сообщил, что «все наши люди арестованы, село бурлит, вот-вот надо ждать восстания».

Нам стало известно, что арестованы Бургуловы, Сущих и другие товарищи. Немедленно созвали партбюро и обсудили создавшееся положение. Было ясно, что без провокации не обошлось, восстание могло быть спровоцировано белыми. Поэтому, не откладывая дала в долгий ящик, мы ночью же выехали в с. Доронинское. Туда прибыли в ночь на 6-ое ноября. Река Ингода почти стала, только посредине шла густая шуга (мелкий лед, который идет перед рекоставом). С трудом переправившись на тот берег, мы заехали к большевику Малкину. От него узнали, что уже начались аресты сторонников белой власти. За час до нашего приезда доронинские большевики, собравшись на мельнице Астахова, решили начать выступление, арестовать

ствовать всех белых в своем селе и разоружить милицию. В окрестные села были посланы нарочные с призывом поддержать восстание. Наша попытка удержать товарищей от этого шага не имела успеха.

«Опоздали вы с уговорами, — заявили нам доронинцы, — теперь, если хотите, присоединяйтесь к нам, а не хотите — мы одни воевать будем».

Командир одного из партизанских отрядов Даниил Егорович Сущих, убит 19 ноября 1919 года в бою под селом Татаурово

Я предложил поддержать восстание, так как начавшееся выступление большевиков теперь вызовет карательные действия со стороны белых, и мы будем вынуждены вступить в вооруженную борьбу еще до намеченного нами срока.

Со мной, согласились. Тогда немедленно село было оцеплено, чтобы местные бандиты не могли прорваться в другие села. Арестованными заполнили большой амбар, с кулаками красногвардейцы имели большие счета.

Мы выслали конные отряды в центры белогвардейщины — села Николаевское и Улеты и они смелым налетом разоружили милицию и освободили арестованных. К утру вместе с отрядами приехали Сущих и Бургуловы, Кондратьев и Си-линский. Общее собрание села Доронинское, отмечая 1-ю годовщину Октябрьской революции, постановило объявить вооруженное восстание всего Ингодинского района, послать нарочных в бурятские улусы, в села, расположенные по Хилку и Чикою, с призывом «поддержать». В принятом воззвании говорилось:

«Товарищи! Эсеры и меньшевики, пользуясь нашей темнотой, в 1918 году нас обманули, втянули в борьбу с Советами.

В результате везде и всюду царствует нагайка» мордобитие и штык. Настал конец нашему терпению. Мы, трудящиеся верховьев Ингоды, поднимаем знамя восстания и призываем вас поддержать нас».

После собрания наспех выделенные командиры формировали взводы, роты, батальоны. Появились первые делегации Арты, Улет и Ново-Салии с сообщением, что их села, тоже восстали, все вооруженное и невооруженное население сформировано в боевой отряд и движется к Доронинскому. А здесь уже сформирован штаб, в который вошли: Аносов (председатель), Андрей — представитель Читинского комитета большевиков, Береснев, Кондратьев, Литвинцев и Зыкин (члены).

Штаб приказал — немедленно, не давая противнику опомниться, очистить верховье Ингоды от белых. Две сотни кавалерии и две роты пехоты были брошены на казачьи села Горекан, Гореку и Ключи. 7 ноября 1919 года все верховье Ингоды от Хадакты до Ново-Салии было в огне восстания.

Каждое село по-своему очищалось от белой нечисти. Например, в Дешулане мужики решили начинать дело с господом... Они пригласили попа, помолились, а потом стали толковать:

Ведь мы теперь большевики, а большевики в бога не веруют. Наш поп в 1918 году, когда отступали красные, устроил на колокольне заставу и расстреливал отступающих, так неужели мы ему простим».

И общее собрание решило расстрелять попа.

В это же время поп поспешно собирался в Читу. Он думал получить поддержку от белых банд и подавить Ингодинское восстание.

В самый разгар сборов к попу ввалились мужики.

- Собирайся, батя, — сказали ему повстанцы.

Взяли они его под руки, вывели за околицу и расстреляли. Потом построились колонной и, вооружившись кто чем мог, пошли в наступление на Гореку, где и приняли участие в бою с казаками. Казаки не выдержали натиска, и спешно, горами, отступили к Чите.

Села Горека, Горекацан, Аблатукан — очищены. Наши части продвинулись дальше. Но враг коварен. Спрятанные кулаком в селе Аблатукане белые набросились на позадидущих ротного командира Шевнина и двух бойцов, убили их. Возмущению восставших не было предела:

- Что здесь за мерзавцы! Свои же крестьяне и не сказали, что в избе спрятались белые.

Только выдержка командного состава спасла Аблатукан от разгрома.

Убитых привезли в Ново-Доронинское. Слез у родных почти не было. Народ был озлоблен и требовал действия. Убитых хоронили всем селом.

Вооруженные партизаны тесным кольцом окружили тела погибших. Тускло мерцают погребальные свечи. Доронинский поп торопится, наскоро бормочет молитвы. Среди собравшихся — недовольство.

- Как следует служи, весь народ от тебя требует, ведь раньше ты офицерье не так хоронил, а с полным парадом.

На кладбище состоялся митинг. Ингодинские повстанцы клялись отомстить за товарищей, бороться с врагом до конца.

Большевики развертывали большую работу. По всем селам избирались Советы, учитывалось все способное бороться население. На заседании бюро партийной организации фронта было решено часть местных работников законспирировать. Эту мысль подсказали нам товарищи, прибывшие из Читинского комитета. Они правильно говорили, что с семеновцами воевать не трудно, главная борьба предстояла с интервентами. Надо было учитывать, что столкнемся не с разношерстной белой бандой, а с дисциплинированной и прекрасно, вооруженной японской армией. Задача состояла в том, чтобы быть готовыми, ко всему, может быть очистить район и отступить через горы на Чикой или Онон. Поэтому часть товарищей из местного актива следовало законспирировать с таким расчетом, чтобы в случае нашего отступления в тылу врага сохранилась наша готовая к действиям организация. Для руководства подпольщиками на случай отступления выделили группу товарищей. В горах создавались запасы продовольствия: муки, сухарей, мяса.

Организовав тыл, наладив снабжение фронта продовольствием, мы создали оружейную мастерскую. Я и тов. Андрей (Гнилицкий) поехали на фронт. По подсчетам нашего штаба на фронте было около 2.500 бойцов. Правда, огнестрельным оружием было вооружено только процентов 50, из которых большая часть имела берданы и дробовики, но и при таком, вооружении ингодинские повстанцы наступали успешно, быстро продвигаясь вперед. В бою под Хадактой, куда белые, подтянули значительные силы, противник был разбит. Наши кавалеристы смелым налетом освободили пленных красногвардейцев, работавших на Татауровских дачах. Среди них оказалось немало прекрасных ребят. В этом числе, был т. Седов —

учитель Нерчинской станицы, которого белые вместе с т. Бутиным увозили на расстрел, и который, воспользовавшись оплошностью конвоя, бежал, но снова попал в руки семеновцев и уже здесь под чужой фамилией освобожден нами. Освободили мы и Николая Зыкина — командира красногвардейской роты уральских рабочих. Освобожденные, несмотря на все мучения, перенесенные в «вагонах смерти», были готовы драться с белыми.

Когда мы подошли к селу Татаурово, и заняли его, фронт уже вполне сформировался. Полевой штаб состоял из Кондратьева, Береснева, Силинского. Во главе батальонов стояли вполне надежные и способные командиры, в особенности Данила Сущих. Это был коренастый мужик, с широкой окладистой бородой, чисто и хорошо одетый.

С каким деловым видом располагал он свой батальон к бою, с каким вниманием и любовью толковал с каждым командиром, разъясняя ему задачи предстоящего сражения! Но легкость побед, которые достались нашему полковому штабу, вскружили ему голову. 17 ноября к Черемхово, что в 18 верстах от Татаурово, мы въехали беспрепятственно. Если везде в тылу перед въездом в село нас останавливали заставы, требовали пропуск и мандаты, то в это село мы заехали спокойно. В избе, над которой развевался красный флаг, мы нашли спокойно спящего начальника тыла Оноприенко. Разбудив и выругав его как следует, я заставил немедленно везде выставить караулы, созвал собрание и предупредил всех о необходимости соблюдать полный порядок.

Назавтра приехали в Татаурово. Здесь тоже, несмотря на фронт, царила беспечность. Тов. Сущих со своим батальоном находился впереди в заставах, а в самом Татаурове масса вооруженных людей бродила по улицам, как будто войны и не было. На Татауровских дачах кавалеристы устроили вечерку и спокойно танцевали. Пришлось назначить, партсобрание. Резко и решительно отчитав штаб за недисциплинированность, т. Андрей решительно заявил:

- За расхлябанность будем расстреливать, невзирая на лица. Только твердая дисциплина и организованность принесут нам победу.

После этого вместе с полевым штабом был разработан план дальнейшего наступления. Решено было идти на Читу. Ночью были организованы винтовочные и берданочные роты. Все невооруженные должны были завтра отправиться, в тыл и ждать призыва, а не торопиться на фронт. В такой работе нас застало утро. Около часа дня разведка сообщила, что показалась японская пехота. Белые стали стрелять по Татаурово из 3 или 4 орудий. С моста Татауровской ветки бил броневик, который все больше заходил во фланг нашего фронта. Посланный накануне с разведкой Силинский должен был взорвать или сжечь мост, но он этого не сделал и броневик про-

Участник Ингодинского
восстания Амос Егорович
Сущих

шел.

Огонь белой артиллерии вызвал панику среди безоружных и еще не успевших эвакуироваться в тыл людей. Батальон сторожевого охранения, сменивший батальон Сущих, не выдержал и стал в беспорядке отступать.

Когда мы с Андреем выбежали на площадь, партизаны в беспорядке бежали. Раздумывать было некогда. По долине реки Ингоды с гиком и свистом лавиной катились казаки (как оказалось позднее, это были японцы). Артиллерия била перекидным огнем. С двумя бутылочными гранатами в руках я влетел в гущу отступающих и закричал: «Стой!»

Бегущие останавливаются. Я сейчас же команду:

- Первая рота направо, вторая налево. — Я не знал, какая это: была рота и была ли там вообще какая рота, но нужно было заставить людей опомниться. Смотрю, наши начинают разбегаться направо и налево. Я даю команду:

- Ложись... По кавалерии стрельба ротой...

Раздался первый залп, хотя и недостаточно дружный, вслед за ним началась стрельба пачками. Японцы опешили и уже без гика и свиста полетели назад. Мы перешли Ингоду с левого берега на правый. Здесь в полном составе присоединился батальон Данилы Сущих. Полевая артиллерия и броневики противника почти из десятка орудий продолжали обстреливать наши части. Шальной картечью убило Данилу Сущих. Команду принял его брат Амос.

Мы отходим. Настроение подавленное. Надо вывести людей, дать им возможность отдохнуть и перегруппироваться, иначе неизбежен разгром.

Ночью подошли к Хадакте. Наша разведка столкнулась с белыми. Хадакта занята. Идем на Улеты. Обходим заимки. Все выбились из сил. Скоро набрали на избушку. Захожу в нее вместе с Андреем. Оказывается, тут наши командиры во главе с Силинским.

- Где ваши части?

- А чёрт их знает...

Меня взорвало, я сдернул с плеча карабин:

- Немедленно по местам. Если к утру не будете вместе с частями, расстреляю.

Ребят как водой смыло...

Вот и Улеты. Ликвидировав оружейную мастерскую, мы отошли дальше. После боя в Татаурово партизаны за четыре дня отступили до Николаевска. Японцы и белая пехота все ближе и ближе. Все наносное в наших частях отсеивается, остается 500 - 600 партизан, главным образом коммунисты, готовые драться до последней капли крови. Решаем отступить с ними в горы.

Ночь в станице Ключи прошла в починке одежды и обуви, в ремонте сбури, саней. Раненые и больные отправлены вперед, грузим на обозы продовольствие. Провожаемые слезами остающегося населения, молчаливо уходят партизаны в горы. Кое-кого уже из алханайцев нет. Потерян Шевнин, есть раненые и больные, они еле передвигают ноги. Длинной цепочкой растянулся по реке Джила наш отряд. Идем в Зун Джилу, где решили немного отдохнуть, привести себя в порядок.

Пройдя километров 70, остановились лагерем. Быстро сделали шалаши, разожгли костры. В узком месте реки, сжатой с обеих сторон скалами, расположились заставы. Подсчитали свои силы. У нас немного больше 400 человек. Душа и сердце восстания и отступающих — старые алханайцы, кулендяне и бырыляне (жители сел Куленда и Бырыла в верховьях реки Онон).

Один из активных участников Ингодинского восстания - староста села Хадакта, арестованный белобандитами, после длительной пытки покончил с собой. Жена, оказывавшая помощь повстанцам, расстреляна белобандитами

Прожили два дня. Плохи наши дела. Оноприенко болен воспалением легких. Зыкин — ротный командир из освобожденных военнопленных — тоже едва шагает. Квалифицированной медицинской помощи оказать некому. Сами врачи, сами фельдшера, сами хирурги, где надо — режем кухонными ножами, вырезаем пули, лечим. В Татаурово была взята бутылка йода. Мажем йодом все кроме обмороженных мест. От обмораживания самым лучшим лекарством забайкальцы считают сорочки мозги, поэтому сорок в нашем расположении ловили силками и стреляли из ружей, чтобы добыть целебную «мазь». Едва ли помогли обмороженным сорочки мозги, но лечение все-таки приносило утешение — и то ладно.

На третий день повалил снег, усилился морозный туман. На передовых постах поднялась перестрелка. Белые наступают. Бьет артиллерия. Мы жалеем патроны и стреляем только наверняка. Целый день белые, карабкаясь по скалам, пытаются ворваться в наше расположение. Но партизаны, как притаившийся зверь, молча ждут врага. При его приближении резко огрызаются, меткими пулями заставляют отскочить обратно и снова терпеливо и молча ждут...

Наступила лунная ночь. Снег прекратился. Еще раз проверив силы и позиции, решили отступить дальше. К утру мы были у нашего старого приятеля Франца в устье Кокуры. Покормили как следует лошадей, поставили заставы и решили отдохнуть.

На пятый день нашего отдыха, 1-го или 2-го декабря, белые снова начали наступление. Наша застава на Замковских заимках уснула. Один из бойцов решил попить чайку и спустился к речке за водой. С той стороны вооруженные люди машут ему:

— Иди сюда, иди сюда.

Парень сообразил, что там наших нет и бросился бежать с криком: «Белые».

Застава выскочила из избушки и под сильным огнем неприятеля стала отступать к главным силам.

Завязался бой. Белые наступали с трех сторон. Если легко отделалась наша застава, то разведка в составе двух братьев Сущих была окружена, и они были убиты. Мы под давлением крупных сил противника стали отступать дальше. Только к вечеру вышли из окружения, заняв новую позицию. Но белые по Кокуру сожгли село, заимки, и наступление приостановили.

На общем совете мы решили уходить за Онон. Наш план — выйти горами к Урею и попытаться захватить Акшу. Пошли. Двигались тихо. Все устали. Кони выбились из сил, кормить их нечем, на остановках они копытами из-под снега добывают траву. Еще хуже измотались люди: у нас ни хлеба, ни соли. Идем молча, по сопкам карабкаются дозорные, зорко оберегая нас от внезапного нападения. Так мы дошли до Урея. Сделали последний привал, вскипятили воду, заварили чай. Чаем мы называли березовый наплыв, или как его называют по-

забайкальски «чага». Попив этого чайку для укрепления сил, пошли в бой. Бой был неравным. Нас встретили дружины из тулутоевских, мангутских и урейских казаков. После 3-х часовой схватки мы, под угрозой охвата с тыла, отступили.

Вышли опять на знакомую нам Джилу. Силы мало. Народ устал. Часть дорожников: Амос Суших, братья Бургуловы и группировавшиеся вокруг них ингодинцы заявили, что они пойдут к своим местам, чтобы около своих «будоражить белых». Все наши старания удержать товарищей ни к чему не привели. Мы расстались с ними с болью в сердце, зная, что партизаны идут на верную гибель, что кулацкие отряды самообороны поймают их. Наши опасения оправдались. Мы вскоре получили известие, что по Ингоде свирепствует террор. Свыше 250 человек расстреляно, масса избитых плетьюми и шомполами, масса изнасилованных женщин и девушек.

А что делать нам? Решили с остатками сил укрепиться в горах, выйти на Ушмун, оттуда, в верховья Ингоды и остановиться на Ново-Салиевских заимках. Больных и раненых задумали развести по таежным избушкам и вместе с ними оставить окончательно выбившихся из сил, чтобы несколько отдохнули. Так и сделали...

Затем отряд идет дальше. Трещит декабрьский мороз. Холодно и голодно. Теперь нас около 200 человек. Но это уже был закаленный в боях актив, который мечтал сохранить свои силы и выйти вновь на борьбу за советскую власть, за счастье народное. Несмотря на тяжесть пути, с шутками и прибаутками, а иногда и с веселыми песнями двигались вперед, питаюсь только там, где падали наши боевые товарищи — лошади.

Вот и Ушмун. Здесь получили более подробные сведения о разгуле белогвардейщины. Во всех селах Ингоды стоят гарнизоны. Отряды белых делают облавы в поисках красных. Заходят очень далеко, обшаривая заимки. Всех подозрительных, находящихся на заимках, убивают. Амос Суших захвачен, избит и расстрелян. Семьи активных повстанцев арестованы, избиты и увезены в читинскую тюрьму, как заложники. В таком маленьком селе, как Дешулан, расстреляно почти все мужское население. Погиб старик Малкин, партизанивший с четырьмя своими сыновьями. Это был удалый казак, участник японской и первой империалистической войн, имел кресты и медали за храбрость. Он был окружен, и, после отчаянного сопротивления убит, сыновья его тоже. Окружены ночевавшие в стогу сена братья Бургуловы с двумя другими партизанами (один из них в недавнем прошлом священник, другой — дьякон, оба сняли сан и боролись вместе с партизанами). Начальник милиции Лебединский, командующий отрядом, бывший личный друг и приятель обоих Бургуловых, решил их захватить живьем. Приостановив перестрелку, которая началась между наступавшими белыми и партизанами, начальник милиции решил переговорить с Бургуловыми.

Господа, не стреляйте. Ведь мы знаем друг друга, сдайтесь.

Бургулов ставший ответил:

Никаких разговоров о сдаче быть не может. Вы возьмете нас только мертвыми.

Я вам гарантирую жизнь, — кричал Лебединский.

Вы, господин начальник, нашему брату Николаю тоже гарантировали жизнь, — отвечали Бургуловы, — а потом расстреляли, женщин с детишками заложниками увезли в Читу.

Метким выстрелом партизана начальник милиции был убит.

- Вот тебе за брата Николая.

Перестрелка возобновилась. Белые до десятка раз бросались со всех сторон в атаку, но партизаны отбивали их метким огнем.

День близился к вечеру. К белым подходили новые силы. Привезли два орудия, одно стреляло по стогу картечью, другое зажигательными снарядами. Партизаны запели «Смело, товарищи, в ногу». Стог загорелся. «Да здравствует революция» — доносилось из огня. Но тише и реже раздавались голоса партизан. Они погибли, не став на колени перед врагом. Даже к мертвым партизанам белые подходили осторожно. Растащив баграми горящий стог, казаки вытащили четыре обгоревших трупа и с ними четыре обгоревших берданки. Белые с остервенением бросились избивать обгоревшие останки. Тут они показали свою «храбрость». А ночью женщины и ребятишки подобрали растерзанных, закрыли их сеном и привалили снегом, чтобы не растаскали собаки.

Получив подробную информацию, продолжали путь к Ново-Салиевским заимкам. Там думали запастись продовольствием и выходить на Чикой. Мы уже имели сообщение, что Прибайкальский губком партии готовит восстание, что чикойские села волнуются.

Наконец мы у цели. При слиянии реки Ингоды с Ингорок расположены три заимки — Назара Чайкина, Михаила Дорожкова и Константина Щербакова. Здесь встретили нас радушно, хорошо накормили. Женщины стали топить баню, стирать наше белье, чинить его. Вид у нас, конечно, был неприглядный — все грязные, обгоревшие у ночных костров в тайге, у некоторых унты обвязаны веревочками, вместо подошв хитроумные комбинации из бересты и еловой коры.

Прожили на заимках три дня. Небольшими группами, в разных направлениях будем теперь переходить на Чикой. Жители устроили нам проводы. Угощали на славу. Хозяйки внимательно оглядывали каждого партизана: не осталось ли чего-нибудь недошитого, непочиненного.

Отряд выстроился. Последний прощальный митинг — и снова в путь. На следующий день мы покинули нашу родную Ингоду, свернув от нее в сторону. Взяли направление на Чикой. На Джиргейских заимках нас также встретили хорошо: накормили, сменили уставших лошадей. Отсюда партиями по 15—20 человек мы стали отправляться на Чикойские заимки. Штаб группы должен был идти последним. Было задание выйти на Чикой незаметно, рассеяться по селам, ждать подхода штаба и уже отсюда готовиться к новому наступлению. Строго предупреждали от преждевременных взрывов, чтобы не вышло как на Ингоде.

Отправили последние партии Фильшина и Данилова. Осталась наша группа в 14 человек. Мы уйдем последними и, в случае погони, будем сдерживать натиск врага, дадим остальным возможность уйти дальше.

Через 2—3 дня наша группа переехала на заимку Петра Маслова из села Коротково на Чикое. Здесь, как и везде, население уже знало о разгроме Ингодинского восстания, принимались меры к тому, чтобы помочь нам.

Передневали. Назавтра решили выступать. Еще рано утром, до рассвета, часовые сообщили, что у дальних заимок слышен чей-то говор. Идем в разведку. Скоро стало ясно: нас окружают. На нас идут полторы сотни казаков, 2 сотни бурят-монгольского полка Тапхаева, а всего человек 350—400. Наша сила—14 человек. Чтобы не подвергать заимку обстрелу, мы спешно стали отходить по реке. Почти сразу же нас обстреляли. Спешившаяся сотня казаков прыгала в речку впереди нас. Здесь нам дороги нет. Мы вынуждены были выйти на другой берег и отступить редким лесом. Было видно, как мелькали перебегающие от дерева к дереву белые. Положение осложнилось тем, что у нас испортился пулемет. Отстреливаясь, мы поспешно отходили.

Вот и сопки. Но путь в горы нам уже отрезала сотня казаков. Повернули вправо через падь. Разобрали пулемет и разбросали его по частям. Наши пулеметчики Филиппов и Дубов плакали от обиды, что в такой обстановке пулемет нельзя исправить.

Перешли падь. Поднялись на гору. Видим, что в падь спускаются густыми массами конные и пешие белогвардейцы. Как видно, наш отпор на горе заставил их основательно задержаться и они отстали от нас километра на 3—4. Надо скорее уходить дальше. Смотрим, обычно веселый и неунывающий Филиппов и старик Дубов плетутся сзади, то нагонят нас, то отстанут. Потом остановились и поцеловались. До нас долетели слова Филиппова:

- Эх, Дубыч, потеряли пулемет без боя. Жить не стоит.

И не успели мы подскочить, как они, оперев друг в друга свои карабины, почти одновременно выстрелили. Оба были убиты наповал. Их смерть тяжело подействовала на всю группу. Осталось двенадцать. Идем по пояс в снегу. Лошадей ведем в поводу.

Вдруг неожиданно с двух сторон раздаются залпы. Ложимся в цепь. Начинается перестрелка, она длится минут 15. И снова тихо, только слышно, как по лесу, матерясь, отходят белые. У нас двое убитых и один тяжело ранен. Парень просит добить.

Нет, дружок, мы тебя веревкой привяжем к коню, руки-то у тебя здоровые, еще белых бить будешь.

Несмотря на невыносимую боль, парень улыбается, крепко сжимает винтовку.

Через каждые полчаса перестрелка, так как белые забегают вперед, заходят с боков. Мы отстреливаемся. Бросили последние две гранаты, которые разорвались в сухом морозном воздухе с огромным грохотом и треском. Белые отскочили. Нас осталось пятеро. Отдыхать некогда. Трое раненых. Прошли еще с час. Солнце перешло за полдень. Остановились отдохнуть. Вокруг тишина. Федя Береснев — наш удалой командир Ингодинской кавалерии — ранен. Он вспоминает как гуляли по Ингоде, рассказывает как было весело, когда вернулся с фронта империалистической войны. Ребята приободрились. Хохочут.

- По-моему, — говорит Федя, — теперь можно и чай варить, да заодно мне и руку перевязать, а то полная рукавица крови.

- Пойдемте дальше, — говорю я.

- Умотались мы, — заявляет Береснев, — дай-ка мне калач.

Достаю из сумки мерзлый калач.

- Эх, — говорит Федя, — никогда я таких вкусных калачей не ел.

И в эту минуту раздался залп. Ложимся, открываем огонь. Смотрю, Федя не стреляет. Вокруг головы на снегу широкое пятно крови. Один из партизандешуланцев Рассолов вскочил и убежал в сторону. Правда, от него помощи не было никакой. Он ходил без оружия, считая, что убивать людей грех. С остервенением рвем затворы наших винтовок, посылаем пулю за пулей в наступающего врага. Лежащий рядом со мной бырылинский партизан Дьячков шепчет:

- Аносов, я ранен.
- Куда?
- В ногу.
- Перевязать...
- Не надо, наверное, скоро белые убьют.

Еще один замолк. Осталось две винтовки. Но тут совершенно неожиданно прекратилась стрельба. Белые почему-то ушли. Я посадил раненого Дьяčkова на коня. Снова—в дорогу. Через четверть километра спустились в падь. Смотрим, дорога, но по ней идти нельзя. Полезли опять целиной горы. Дьячков свалился с коня. Рана и потеря крови делали свое дело. Два раза поднимал я его в седло, а потом привязал чумбуром (поводом) к седлу. Иду впереди коня, проминаю дорогу.

Там, где был последний бой, гремели выстрелы. После от перебежчиков узнали, что белые, потеряв в последнем бою 8 убитыми и 6 ранеными, отступили, и вновь двинулись в лес, чуть не через полчаса. Подойдя к трупам наших товарищей, они начали их обстреливать, думая, что партизаны притворяются. Бродя по следу, они вскоре поймали Рассолова. Его раздели догола, били шомполами, клали в снег и, когда он почти замерзал, обливали спиртом, приводили в сознание, били снова, вешали и, когда он задыхался, снимали, оттирали и опять продолжали до тех пор, пока все старания привести его в чувство не увенчались успехом. Парень погиб. И только тогда они вспомнили, что не все еще убиты. Бросились в погоню за нами. Мы поднялись уже на сопку. Смотрю — тропинка. Сел верхом. Поехали быстрее. Проехав с полкилометра, увидели лошадей. Чикойский мужик накладывает орехи. Спрашиваю его:

- Куда эта дорога ведет?
- На Чикой.
- А как нам пройти на Ингоду?

Он рассказал нам путь. Я ему говорю:

- За нами погоня, если белые спросят о нас, скажи, что мы полчаса тому назад проехали, но количество не прибавляй — не поверят.

Мужик сказал:

- Хорошо. В двух-трех километрах внизу на речке Джиргее стоит зимовье, там есть хлеб, чайник и сено для лошадей.

Мы поехали по указанному мужиком направлению. Приведя себя немного в порядок, я обнаружил, что когда возился с раненым после последней схватки, затвором я прихватил снега и у меня винтовка вышла из строя (японская винтовка в этом отношении плоха). Теперь я ехал с маленьким браунингом в кармане и составлял в уме план: если нас окружают, застрелю раненого товарища и застрелюсь сам. Я знал, что обессиленный от потери крови Дьячков сопротивляться не сможет и белые его замучают.

Пока шли пешком по лесистым сопкам, было жарко, но сейчас мороз давал о себе знать.

Вот и зимовье. Дьячков просит перевязать рану. Оба мы чертовски устали. Хочется сварить чай и лечь у огонька отдохнуть. Но сзади погоня.

- Поедем-ка лучше дальше, авось и уйдем от беляков, — предлагаю я.

- Идет, — соглашается Дьячков.

Проехав до реки Джиргее, по которой сверху шла вода, или как называют забайкальцы — наледь, мы свернули вправо и по воде проехали саженой сто, не оставляя за собой никаких следов. Смотрим влево — тропинка, свернули и пересекли небольшую падь. В густом кустарнике остановились. Я говорю Дьячкову:

- Постоим здесь. Если никто не выедет к заимке, мы вернемся обратно, если выедет — будем пробираться дальше.

Только успел я это сказать, как увидел, что спускается отряд белых. Они ведут в поводу лошадей. Смотрю в бинокль — на седлах шубы и сумки наших товарищей. Я быстро сдернул верхнюю рубаху, завязал морду своего коня, чтобы не заржал. То же самое проделал с лошадей Дьяčkова. Стали ждать. Солнце село. Тишина. Лишь потрескивает мороз, да около заимки в двух-трехстах метрах от нас сгрудились конные, они начинают расседлывать лошадей, слышен веселый говор. Белые разводят огонь, начинают варить чай. Расставляются кругом часовые. Видно, погоня кончилась.

Мы тихо выбираемся из кустов и в вечернем сумраке едем дальше. Надо пробраться к своему отряду, ушедшему на Чикой.

Продвигаясь все дальше и дальше, мы забрели в россыпи. Темнота — хоть глаз выколи. Пришлось остановиться. Между расщелин скал развели небольшой огонек, хлеб скормили лошадям, потому что в них наше спасение. Вскипятив в чашке воды, я, наконец, перевязал раненого. Усталость клонит ко сну...

На рассвете поехали. Нашли дорогу. Кони, как видно чувствуя жилье, шагают быстро. Смотрю на дороге валяется носовой платок, я поднимаю его, оказывается, платок мой, значит мы едем обратно к заимке, от которой вчера ушли. Платок нас спас. Повернули обратно. Целый день переваливая с горы на гору, мы выехали на Чикой. К вечеру попали на заимки. Здесь нас обогрели, накормили и отправили в одну из землянок, доставили туда сено.

Жгучие декабрьские морозы. Ночь под 1-е января 1920 года. За забайкальским чайком встречаем новый год, желаем друг другу нового счастья и побед. Завтра должны получить сведения об ушедших товарищах. По предварительным данным мы уже знали, что почти все прошли благополучно. Утром в первый день нового года к землянке прискакал нарочный.

— С новым годом, товарищи. По Чикою восстание, ищем вас.

Немедленно выехали. В тот же день с Коротковских заимок на Чикое мы быстро уже на тройках полетели в штаб, куда стягивались наши разрозненные группы и партизаны одиночки.

Опыт Ингодинского восстания, крепкую закалку перенесли партизаны на Чикой. Разгорелась борьба за власть Советов в Прибайкалье и Забайкалье.

В 1920 году, заняв вновь Ингоду уже с регулярными частями Народно-Революционной армии, мы собрали по горам и полям наспех закопанные останки наших бойцов и похоронили их в братской могиле. Прощаясь с товарищами, навсегда ушедшими от нас, мы говорили, что дело, за которое они боролись, победило.

2. Годы. Люди. Судьбы.

(воспоминания старожилов сел Улетовского района)

Газинская В. За что расстреляли моего деда? // Улетовский вестник. - 1999. - 24 нояб. (№№ 121-122). - с. 3

Недавно прочитала в газете статью «Это нашей истории строки». Там пишут, как семеновцы издевались над людьми, подвешивали за ноги на холоде, рубили шашками на куски, расстреливали. Все это было. Но об этом теперь не принято писать. Сейчас все больше пишут о репрессированных.

Моя мать, Степанида Петровна, вспоминала о тех жестоких годах, она в то время была молода и только вышла замуж за моего отца. Она-то потом и рассказывала о трагедии, которая случилась в те жестокие годы в семье моего деда.

Я долго думала, написать в газету или нет? Но однажды по радио услышала, что в Чите в церкви служили панихиду по «герою» атаману Семенову. И я решила написать в газету о «геройствах» семеновцев. Все было так, как рассказывала мать.

Дед мой, Горлачев Дмитрий Николаевич, был вечный крестьянин, жил в селе Шехолан. Ни в какую политику не вмешивался, пахал землю, сеял хлеб, косил сено, с бабушкой моей Анной Сергеевной растили детей. А детей у них было много, больше сыновья. В то время у бабушки на руках был маленький ребенок, последний ее сын Федюшка, ему был один год от роду.

Хозяйство у деда было крепкое, большой дом на две половины, просторный двор. Все его сыновья, и женатые тоже, жили на одном дворе. Работали на своей земле сами, работников не нанимали. Дед с сыновьями пахали землю, сеяли. А во время сенокоса дома оставались бабушка да одна из невесток, чтобы убрать хозяйство да присмотреть за ребятишками. Может быть, так размеренно и шла бы их жизнь, но не суждено.

В тот год села Улетовского района захватили семеновцы. По подозрению или по доносу каратели налетали и расправлялись со своими жертвами. В один из холодных зимних вечеров, это было в конце февраля, в ворота к деду постучали. Он вышел, незнакомые люди просились немного погреться, было видно, что ехали они откуда-то издалека и сильно замерзли. Дед их впустил. У бабушки самовар всегда был горячий. Она собрала на стол, налила горячий чай. Приезжие, не раздеваясь, только шапки сняли, выпили чай и засобирались в дорогу, явно торопились. Дед ничего не спрашивал, они ничего не говорили. Вывели со двора лошадей и уехали в ночь.

А наутро к деду нагрянули каратели. Деда вытолкали во двор, бабушка успела накинуть на плечи шаль, Федюшка плакал от испуга. Она взяла его на руки, при-

жала к себе, укрыла шалью. Так ее и вытолкали во двор с маленьким ребенком и погнали на бугор расстреливать. Федюшка от холода и страха плакал. Пьяный белый офицер вырвал его из рук бабушки и бросил в сугроб. Бабушка закричала, упала на колени, протянула руки, но семеновцы плетками подняли ее и погнали дальше.

Дед шел молча, обреченно. Бабушка идти не могла, качалась из стороны в сторону, кричала и все тянула руки, оборачиваясь назад, где в сугробе остался ее маленький сын.

Когда их довели до места расстрела, она не держалась на ногах, свалилась на снег, поднять ее уже не могли. Деда расстреляли. Бабушку семеновцы волоком притащили в сарай, привязали к большой широкой лавке и стали избивать плетками. Она сразу кричала, потом затихла. Семеновцы, сделав свое кровавое дело, уехали, а ее принесли в избу, где она лежала на широкой кровати безмолвно, недвижно. Не могла ни говорить, ни шевелиться. Была вся распухшая и черная от побоев. Одежда на ней была вся изорвана плетками в кровавые клочья и ленты. Болела долго, лечили отварами и примочками из трав. И только после Петрова дня бабушка стала подниматься, немного ходить.

А Федюшку добрые люди вытащили из сугроба и спрятали. Пока хоронили деда и пока пьяные семеновцы рыскали, бесновались в Шехолане, Федюшка был надежно спрятан у добрых людей.

Бабушка выздоровела. Видно от природы у нее было крепкое сердце. Такое вынести не каждый сможет.

Федюшка вырос, учился в Улетовской школе, был комсомольцем. После школы окончил Иркутское летное военное училище. Был летчиком, летал, женился. Когда началась Великая Отечественная война, воевал на фронте. В одном из воздушных боев мой дядя, Федор Дмитриевич, погиб, защищая нашу землю от немецких захватчиков. Вот такая трагедия случилась в семье моего деда, труженика-крестьянина, по чьему-то подлому доносу расстрелянного семеновскими карателями.

Из воспоминаний Савиных Анны Ивановны, дочери Бабкина Ивана Тимоновича // Улётовские вести. - 2009. - 5 нояб. (№90). - с.4.

“Отец мой был крестьянин-средняк. Имел двух лошадей, одна лошадь для хозяйства, а другая сыну в армию. Одну корову да десять овец. Дом имел на две половины с огородом да небольшую пашню. Другая специальность его была столляр-маляр. Был хорошим рыболовом и охотником. Грамотный. В 1914 году был призван на службу в армию. Мать говорила об отце, что был строгий.

После подавления восстания ушел в лес с партизанами, забрал с собой и старшего сына Ванюшку. Побоялся его оставить, так как могли его расстрелять из-за отца. Матери наказал, чтобы она его ругала, если будут допрашивать белые, чтоб сохранить семью, так как с ней нас оставалось еще трое.

Когда разбили партизанский отряд, отец с сыном разминулись. Отец пришел в село Ченгурук к дальним родственникам Пановым, здесь его арестовали, отвели за поселок и там расстреляли. Помню, когда привезли убитых партизан, их похоронили за кладбищенской оградой. Еще помню, как привезли брата Ванюшу, аресто-

ванного японцами, держали его в доме собраний, говорили, что будут судить, мать добилась с ним свидания, передала ему кое-что из одежды и харчи. Просила у начальства его на поруки, но не разрешили. Тут же на глазах у матери вывели его с товарищем со связанными руками, посадили на телегу и увезли. Через несколько дней матери сообщили, что его убили японцы в селе Ключи. Когда мать узнала эту страшную весть, она со своим братом поехала туда и только по одежде узнала сына. Голова его была разрублена саблей по плечо. Весной 1920 года, когда пришла Красная Армия, перезахоронили погибших партизан в братскую могилу у церкви. Народу было много со всех деревень, столько было слез и горя! Когда опускали гробы в могилу, играла музыка и стреляли из оружия”.

Сизикова В. Горжусь своими родственниками // Улетовские вести. - 2009. - 5 нояб. (№90). - с. 5.

Трагические события, происходившие в нашей стране в начале XX века, связанные с гражданской войной, коснулись и нашего района, моего села, моей семьи. Когда партизанский отряд Аносова из Чикоя дошел до нашего села, по мобилизации, объявленной красными, в него вступили Егор Шаньгин, Ефим Сизиков и Самсон Сизиков (старший брат моего дедушки). Они вступили в отряд красных партизан не по принуждению, а добровольно, они искали свою правду, отстаивали право на лучшую жизнь.

Ефим Сизиков был человеком высокого роста, физически очень крепким. Охотник и рыбак. Курил, хотя был верующим человеком. Самсона Сизикова с Клементием Соболевым и Василием Шаньгиным расстреляли белоказаки в 1919 году в районе от Рытвинной до Бычьего. Похоронены они на кладбище с.Горекя, я ухаживаю за их могилами и горжусь, что были у меня такие предки, боровшиеся за настоящую жизнь.

В районе хребта Хайзут были расстреляны казаками Андриян Щербаков и Шевченко. Пусть всем партизанам будет вечная память.

Сумкина, А. Гражданская война - трагедия народа [Текст] / А. Сумкина // Улетовские вести. - 2017. - 28 нояб. (№ 91). - С. 5 : ил.

Долгих пять лет поливалась кровью русская земля, долгих пять лет ломались человеческие судьбы, нищали города и деревни. Сколько слез материнских, отцовских, вдовьих... А началось все холостым выстрелом с борта крейсера «Аврора».

Начало гражданской войне в России положила Октябрьская (историки теперь спорят - социалистическая? буржуазно-демократическая? продолжение Февраля 1917 года?) революция, начавшаяся 25 октября 1917 года по старому стилю, 7 ноября 1917 года по новому, столетие которой исполнилось в этом году. Существует широкий спектр мнений и оценок той революции: для одних это национальная катастрофа и гибель великой российской державы, для других - величайшее событие в истории страны, её спасение от феодальных пережитков.

Лично я считаю революцию Октября 1917 великим и значимым событием в летописи нашей страны. И не только потому, что в России сменилась власть

(вместо буржуазного страну возглавило пролетарское правительство), но и потому, что это событие близко мне и моей семье.

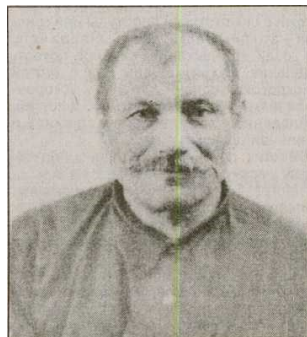
По воспоминаниям моей прабабушки Матрены Егоровны Степановой (на фото), в девичестве Ларионовой, в далеком 1919 году .прошлого века в Забайкалье хозяйничал атаман Семёнов. Почти всех молодых мужчин и парней из села Старые Ключи Улётовского района, в том числе её мужа, братьев и других родственников, собрал атаман в свой отряд и увез в Читу, но они оттуда как-то бежали обратно домой. Здесь организовали партизанский отряд, которым руководил Злобин, и ушли в лес.

Мой прадед, Прохор Иванович Степанов (на фото), тоже был в отряде, а в селе начала действовать подпольная организация, в которую входил родной брат прадеда Арсентий Иванович Степанов. Через него партизаны держали связь. Но так как в селе были и те, кто прислуживал новой власти, дом моих предков был под особым контролем.

Если кто-то из семьи собирался в лес за дровами или за смольём, то нужно было подхвять к этим людям, чтобы проверили, не везёшь ли чего партизанам.

Но партизаны всё равно приходили и в село, и в дом прабабушки. Она собирала им кое-какие продукты и одежонку, несмотря на то, что к ним часто приходили по несколько человек сразу, в любое время дня и ночи обыскивали, угрожали. При обыске забирали всё, что нравилось: хозяйственный инвентарь, конную упряжь, посуду, одежду. А сколько раз в ту суровую зиму прабабушку и других женщин гоняли в соседнее село Николаевское на допрос, известно только им. Поднимали среди ночи и гнали через лес раздетых и разутых. При этом, не щадя били плетьюми, а тех, кто падал, - нагайками. Не знали они тогда - вернуться домой живыми или уже нет. А почти у всех в выстуженных избах оставались детки малые...

Тайга. Веками стояла она глухой ко всему. Поэтому и стала в ту лютую осень для людей последней надеждой. Они хотели найти в тайге укрытие и спасение от неминуемой гибели, но не получилось. Многих из них семёновцам выдали предатели. Свои же, местные. Те, с кем рядом росли и работали, делили нужду, гуляли свадьбы и растили детей.

Были выданы и расстреляны родной брат прадедушки Арсентий Иванович, родной дядя прабабушки Артамон Сазонов вместе с женой Татьяной и сыном Василием, но сначала, на глазах хозяев был сожжён их дом. Расстреляли двоюродного брата прабабушки Максима Сергеевича Ларионова и других односельчан. А потом несколько дней не подпускали к убитым родственникам, которые хотели захоронить останки. Измученных людей избивали плетьюми на глазах детей и всего села.

Пахому Волошину чудом удалось бежать. Пробрался к прабабушке в дом разутый, раздетый до исподней рубахи, щека разрублена шашкой. Прабабушка хотела его перевязать, но только успела дать ичиги да старенькую шинель своего свёкра. Вместе со своими сыновьями добрался как-то Пахом до Джины, но и их выследил предатель из ключёвских. Семёновцы застали усталых и голодных людей врасплох возле костерка и казнили. Убивали прямо на льду кайлом.

После ухода из села семеновцев односельчане похоронили погибших от рук бандитов в братской могиле в Старых Ключах. Когда в село пришёл партизанский отряд, оставшиеся в живых присоединились к нему и ушли вверх по Ингоде.

Ингодинское восстание (6-13.11.1919) против власти атамана Г.М. Семёнова охватило долину реки Ингода от села Новосалия до села Татаурово. Руководил восстанием военно-революционный штаб в составе П.А.Амосова и других. Восставшими были освобождены сёла Шехолан, Горека, Доронинское, Аблатукан, Бальзой, Хадакта, Черемхово, Татаурово. Восстание было подавлено силами казаков Титовской дружины и других белых отрядов при поддержке японского отряда. Жертвами восстания стали более двухсот человек, в их числе и мои молодые деды и прадеды.

Я согласна, гражданская война - это трагедия народа, в ней не может быть только правых и только виноватых. Но я против тех публикаций, цель которых - реабилитация лидеров Белого движения периода гражданской войны в России. Среди этих фигурантов звучит и имя забайкальского атамана Григория Семенова.

Давать оценку Октябрьской революции и её последствиям нужно достоверно и обоснованно, ведь память о прошлом нашей страны - это наша совесть. А памятник в бывшем селе Старые Ключи лично для меня - напоминание о чудовищных зверствах белогвардейцев в деревне моих предков.

Васильева И. Помним дни мы давние // Улетовский вестник. - 1999. - 24 нояб. (№№121-122). - с.3

Память вам, товарищи, светлая, прекрасная,
Память вам, погибшие, славные бойцы.
Пусть осветит ласково это солнце ясное
Братский холм насыпанный, братские венцы

Очень часто мы слышим и читаем: «Человек — это самое разумное существо на Земле.. Человек отличается от других представителей живой природы тем, что он мыслит, думает, помнит...»

Человек помнит. Помнит, что было с ним, читает, слушает и запоминает то, что было 20, 30, 40...80 лет назад. Нельзя представить нас, жителей Земли конца двадцатого века, без знаний о прошлом веке, о начале нынешнего. Сама жизнь заставляет нас обращаться в прошлое, искать там ответы на многие наши сегодняшние вопросы. Не зная прошлого, не познаешь настоящего. Это уже аксиома. И я не согласна с теми, кто говорит: «А что про это говорить? Ведь это было так давно...» Да, давно. Но это было. Оно живо в памяти народа. А мы, молодое поколение, — часть народа. Значит, и нам нужно что-то знать и что-то помнить.

В этом году отмечается 80 лет Ингодинского восстания. И говорить, что это было давно, что нас еще не было, и значит, нас это не касается, мы не имеем права. 80 лет назад наши земляки: братья Сущих, Бургулов Андриян Осипович, Гавриил Писаренко и многие другие — всего 63 наших земляка — отдали свои жизни, защищая Советскую власть.

Сейчас само по себе слово «советский» уже отошло к устаревшим. Поэтому и задаешься вопросом: «Кто же они, эти 63 доронинца — герои или жертвы своего времени? Стоило ли бороться, отдавать свои жизни ради того, что потом рухнет, развалится?!» Этот вопрос, наверное, не я одна задаю себе. И ответ каждый дает свой. Кто-то говорит, что все было зря: и гибли люди зря, и восстание они поднимали зря. Не знаю, может, они в чем-то правы. На этот счет у меня свое мнение.

Издавна человек стремился к лучшему, и самое главное — чтобы его дети жили лучше, чем он. Поэтому в 1919 году многие считали, что самая лучшая власть — это власть рабочих и крестьян. И эта вера давала людям силу для борьбы с семеновцами.

Жизнь заставляла людей искать выход из создавшейся ситуации: тяжело жилось простому русскому человеку.

Расстрелы, насилие
да гнет кулака.
Нагайка да шашки
терзали народ,
И гнева народного
полная чара
Разбилась...
и вышли вперед
Под знаменем красным—
партизаны...

Давайте почитаем воспоминания дочерей Амоса Егоровича Сущих: Нины Амосовны, Клавдии Амосовны и Надежды Амосовны.

«До сих пор стоит в моих глазах тот день 19 декабря 1919 года, когда моего отца везли на расстрел, пишет Нина Амосовна.

- День был морозный. Собралось много народу. Папу вывели из каталажки. Лицо было в крови. Руки связаны толстой веревкой. Попрощаться с папой нас не допустили. Папа обвел взглядом народ, поклонился и сказал: «Прощайте, мои родные!» Хотя папа знал, что его везут на смерть, он вел себя достойно большевику.

Читая воспоминания сестер, мы нигде не видим, чтобы они как-то осуждали отца и его товарищей за то, что они участвовали в этом восстании, что погибли, оставив детей сиротами. Сколько горя пришлось им вынести! Наоборот, в конце своих писем они пишут: «Мы благодарны Советской власти, за которую отдал жизнь наш отец, за то, что она дала возможность вырастить и выучить наших детей». И уж если дети, потеряв отца, не винят его за свое сиротство, а наоборот, с гордостью говорят о нем, считают его героем, стоит ли нам говорить и спрашивать: «А зачем они это делали?» Значит, нужно было, значит, время было такое, что иначе нельзя было поступить. Вспомните мальчика Икара: запрещали ему высоко подниматься в небо, знал он, что это опасно, но ведь поднялся, тянула его

высота. Вот и наши земляки отдали свою жизнь за лучшее будущее. Откуда им было знать, что через 80 лет рухнет почти все то, за что они воевали. Это уже с других спрос, другие в ответе.

А нам нужно просто помнить о них, знать их имена и хотя бы раз в году прийти классом к братской могиле партизан, побывать у памятных знаков на местах расстрелов партизан, привести их в порядок, отдать дань памяти. Если забудем мы, тем более этого не будут знать следующие по-коления. Мы — связующая нить между прошлым и будущим. Нам передали эту память, мы должны передать ее дальше.

Помним дни мы давние
И бои здесь разные
Защищая Родину,
Здесь сыны легли.
Помним братьев Сущих мы.
Помним и Бургуловых,
Над могилой братскою
Головы склоним.

Чубенко Е. С чего начинается Родина? //Улетовский вестн. - 2017. - 29 июня (№48). - с.5.

Русская матрица

Как звучат слова неудержимо:
Благодество, Родина, народ!
Совесть не зависит от режима,
Гордость не родится в недород.
У великих слов - единый корень,
В них фундамент из одних пород!
Триедины в радости и горе
Благодество, Родина, народ.
Даже слово русское - природа
С тем же корнем, в том же узелке!
Русский дух и русская порода
Матрицей таятся в языке.

По моему глубокому убеждению, Родина начинается с памяти. Не зная истории своего рода, своего села, невозможно понять даже сам смысл этого слова. Об одной своей поездке на малую родину я хочу вам рассказать.

В кабинете директора школы с.Дешулан А.А. Худяковой есть стандартная папочка с файлами. Под пленкой, среди других документов, бережно хранятся два охранных обязательства на братские могилы в с.Дешулан и Старые Ключи. Обязательство подписано директором Дешуланской школы Борисом Александровичем Смышляевым в далеком 1958 году. Директор школы, согласно поручению отдела культуры Улётовского райисполкома принял обязательство осуществлять уход за памятниками борцам за Советскую власть.

Минуло с тех пор почти 60 лет. Выросла ученица Дешуланской школы Тоня Ковалева в директора этого учебного заведения, уже 40 лет открывая его двери, как педагог. И все эти годы на уроках истории, на занятиях кружка рассказывала детям о людях, что погибли в страшном 1917 году.

Внучка погибших в Ключах Волошиных Вера Тимофеевна Волошина (Акимова) пишет: «Я хорошо помню и никогда не забуду рассказ моей мамы Волошиной Татьяны Пахомовны. Она плакала и рассказывала о своем детстве. Родилась она в 1903 году в селе Старые Ключи Улётовского района Читинской области в семье крестьянина-середняка Пахома Волошина. В 1917 году моей маме исполнилось 14 лет. Во время гражданской войны отец и семеро маминых братьев участвовали в партизанском движении. Когда в дом Пахома пришли белогвардейцы-семеновцы, Таня с двумя племянниками, трехлетним Демидом и пятилетним Никитой спрятались в подполье, где просидели три дня и три ночи. Чудом спаслись эти дети от смерти. Когда Таня с племянниками вылезла из подполья, то увидела страшную картину - расстрелянные тела висели на заборе их огорода. Из всей семьи остались Таня, Демид и Никита.

Односельчане похоронили партизан в братской могиле. В 1959 году в Старых Ключах был установлен металлический памятник борцам революции, где покоятся участники партизанского движения Волошины - 8 человек, Максим Сергеевич Ларионов, Константин Злобин и один неизвестный партизан» (газета «Ветеран Забайкалья» №7 24 ноября 2014 г.).

А на табличке памятника надпись, где помимо Пахома и четверых его сыновей, перечислены и мать четырех сыновей Елена Васильевна, Устинья Семеновна и дочь ее, Мария (вероятно, невестка и внучка Пахома Волошина). Кстати, это письмо Вера Тимофеевна принесла в редакцию газеты, возмущившись тем, что казаки Забайкалья провели панихиду по Семенову. Попытка сделать из Семёнова героя заставила её провести сравнение с ситуацией на Украине, где Бандера стал народным героем.

В конце июня в Старые Ключи и в Дешулан приехали гости руководитель фракции КПРФ Забайкальского края С.В.Сутурин, член крайкома М.В. Шишкин, председатель Совета детей войны Забайкальского края И.И. Богодухов, первый секретарь Улетовского местного отделения КПРФ В.И.Клопов, председатель совета ветеранов Улётовского района К.И.Гущин, внучки погибших Волошиных: Вера Тимофеевна, Галина Тимофеевна Дамчина, Александра Никитична Тарасова и глава СП «Николаевское» В.Е.Подопригора.

Гости были поражены, что возле памятника их дедам в Старых Ключах чисто и убрано, памятник ухожен. Пионеры из Дешуланской школы подготовили к встрече стихи и рассказали их. И возле памятника состоялся самый настоящий митинг, как когда-то в старину.

Гости осмотрели и документы школьного музея, посвященные событиям гражданской войны, а потом посетили второе братское захоронение в с.Дешулан, где тоже родственники Волошиных (со стороны матери). Партизаны были расстреляны вблизи Машиной горы.

Надпись на постаменте: «Сазонов Артамон Никифорович, Илларион, Василий и Николай Артамоновичи, Филатов Самсон Антипович, Богданов Иван Григорьевич, погибшим в 1919 году от рук семеновских бандитов».

У подножий памятников родственники казненных партизан оставили цветы, венки. Были рады, что история в селе Дешулан не забыта, а бережно хранится. Кстати, именно эти женщины ходили в приёмную КПРФ, сетуя на то, что памятник забыли. «Теперь мы спокойны», - говорят они, радуясь встрече и своим открытиям. О памятнике в с. Дешулан они даже не знали. Узнаванием было то, что здесь похоронен второй их дедушка.

Трогательной получилась встреча с прошлым. Трогательной и ясной одновременно. А я сожалею, что женщины не послушали еще и песню местных авторов о Дешулане, где есть очень пронзительные строчки о погибших в эти годы:

Крыл могилы бойцов
яблонь розовый цвет,
Но спешил на крыльцо
тот июньский рассвет.
В Каторжанку вели
на расстрел партизан,
Стыли залпы вдали,
в скорби стих Дешулан...

3. По памятным местам

(информация о памятниках, установленных в селах Улетовского района, в память о кровавых событиях 1919 года) .

Щелканов В. Герои Ингодинского восстания // Ленинское знамя. - 1990. - 15 дек. (№№149-150). - с. 7.

В первые восстановление памятных мест, связанных с восстанием, занялись участники кружка краеведов ученики 9-х классов Юрий Чаркин, Алексей Мурзин, Владимир Воложанин с руководителем Анастасией Нифантьевной Тарасовой, автором этих заметок, и очевидцы событий 1919 - 1920 годов Иван Егорович Сущих и Трофим Федорович Зырянов.

Вся группа 1 ноября 1964 года проехала по местам расстрела и гибели партизан и решила установить памятные знаки на этих скорбных точках истории. Усилиями группы при поддержке других школьников были отлиты и установлены в том же году 5 памятных знаков, три из них сохранились до наших дней.

Но к нашему стыду первый памятный знак на месте гибели братьев Бургуловых был разрушен усилиями колхозных механизаторов, а второй — на месте расстрела 12 человек — был разрушен строителями автодороги. И все это варварство осталось никем незамеченным, и только накануне 70-летия Ингодинского восстания были отлиты учениками школы под руководством В. Н. Верховодова, В. И. Загибалова и установлены новые.

Надо переходить к постоянной, систематической работе по изучению и воспитанию молодежи на этом богатом материале. Настало время, чтобы на базе музея создать совет и разработать маршрут экскурсии по этим местам, предварительно подработать и подъездные пути, доработать памятные знаки и установить некоторые из них на месте, а не по принципу удобства подъезда или хорошего обзора.

Постараюсь описать памятные места по вероятному маршруту.

В канун 70-летия Ингодинского восстания были установлены памятные доски на домах, где жил Амос Егорович Суших со своей мамой, Дарьей Ефимовной, прожившей 104 года. Это она уже в 72-летнем возрасте приняла и сумела пережить страшный удар, и после этого оказывающая помощь еще 32 года своим невесткам, внукам и правнукам. В этом доме она рожала, растила, воспитывала и принимала, оттаивала, обмывала и предавала земле своих детей.

Какой надо быть мужественной, чтобы пережить все это.

Дом требует реставрации. На втором этаже в доме жила семья Данилы Егоровича Суших, командира батальона партизан, погибшего у с. Татаурово и похороненного в том же селе. Семья не только перенесла смерть мужа и отца, но и все пытки и издевательства карателей. Сейчас в этом доме проживает дочь, внучка и правнук Данилы Егоровича.

У горы, за рекой Дороник, в начале декабря 1919 были расстреляны 12 человек, участников Ингодинского восстания и связанных с ними людей. Вечером, связанные попарно, они выведены были из мирской и расстреляны. Вот их имена: Кузьмин Калистрат Филиппович, Гельзеров Данила, Богданов Карп, Щелканов Андрей Феокистович и австралиец Иван, так звали его в селе (это по всем данным (из сообщения газеты «Забайкальский рабочий» за 1965 год) был представитель РСДРП из города Читы, военно-пленный первой мировой), Богодухов Аким Антонович, Просянкин Назар Борисович, Тетерин Иван Андреевич, Носырев Семен Макарович, Заборовский Иван Михайлович (моряк). И двое из Дешулана (фамилии неизвестны).

У Сухого озера, на горе, в двух километрах от села в стогу сена погибли братья Бургуловы: Ефим (учитель) и Андриян (унтер-офицер), самый молодой из братьев. Это дети одной из культурных и образованных семей (родители были политические ссыльные).

Сорокоградусные морозы, большой снег и голод гнали партизан в села, к жилым местам. После долгих мучений в одну из декабрьских ночей и пришли Ефим и Андриян к сестре Мотре за продуктами и обогреться, но предатель Никита Тетерин был приставлен к дому и выполнил свою коварную роль.

Братья, скрываясь от преследования, укрылись в стогу сена, имея на руках берданки. Обороняясь, братья уничтожили начальника уездной полиции Лебединского и помощника его Трале, специально прибывших брать главарей восстания.

Семеновцы, озверев, привезли из с. Ченгурок пушку с зажигательными снарядами, подожгли стог сена, из огня горевшего стога долго раздавались слова песни героев.

Еще долго семеновцы издевались над обгоревшими их трупами. Отец сыновей, Осип Бургулов, когда узнал, что дети его растерзаны, не мог вынести и умер от разрыва сердца, а сестру Матрену Осиповну с маленькой дочкой увезли в Читу, и след ее потерялся.

Старшего брата Платона забрали ночью на квартире у жены Екатерины Васильевны, увезли в Гореканский застенок и после пыток расстреляли в с. Николаевском, где он был похоронен вместе с другими партизанами. После освобождения Доронинского от карателей, весной 1920 года, жене Платона Осипо-

вича предоставили возможность перевезти труп мужа в Доронинское, но когда открыли яму-могилу, куда были сброшены партизаны, выбирать было уже нечего. Так и остались останки героя навечно на николаевской земле.

В верховье реки Дороник у брода в четырех километрах от села в 1965 году группой учащихся поставлен обелиск. Здесь в декабрьскую стужу 1919 года, скрываясь от преследования, в глухую ночь спрятался в пустоледе Афанасий Егорович Суших. Каратели не могли взять его живым и забросали гранатами, а его жену Лидию Ефимовну Суших-Долданову с грудным сыном отправили в город Читу.

В двух километрах от села по старой трассе в сторону Горехацана в 1964 году поставлен обелиск. Здесь были расстреляны Амос Егорович Суших, Гавриил Николаевич Писаренко и его 16-летний сын Михаил и Михаил Михайлович Заборовский.

Амос Егоровича морозы выгнали в село. Просидев день в подполье у брата Ивана, решил уйти снова в тайгу, чтобы не подвергать опасности родных. Ему с группой товарищей удалось уйти в сторону Могзона далеко от села, но на одной из займок он был схвачен карателями, доставлен в доронинский застенок.

Для пыток Амоса приехал известный каратель. Когда Амоса выводили на расстрел, он не был похож на себя: натуго перетянутого веревкой, с кровью на лице и сломанной рукой, недвигавшимися ногами, его тащили каратели.

Дед Будий Колесников утер ему рукавом кровь, помог узнику сесть на телегу и, обращаясь к товарищу, сказал: «Что же ты, Егорыч, сделал с собой, что вам не хватало?»

На этот вопрос Амос ответил: «Пришло такое время, Буд, иначе нам нельзя было», и, обращаясь к народу, крикнул: «Прощайте друзья, родные. Помните, как, за что и от кого я погибаю!».

Для увековечивания памяти всех погибших в 1919 году земляки партизан поставили на народные деньги памятный знак у автотрассы Чита—Улан-Удэ.

Завершит нашу экскурсию по памятным местам Ингодинского восстания братская могила у Дома культуры.

Трудно было родным предавать земле расстрелянных. После расстрела не разрешали поднимать мертвых, не давали заказывать гробы в Доронинском, а староста Куташов не разрешал хоронить на территории кладбища, приходилось предавать земле за его пределами. После освобождения села от карателей Красной Армией в апреле 1920 года, доронинцы перехоронили останки красных партизан в братскую могилу в церковной ограде.

В братскую могилу удалось собрать 35 героев (список захороненных известен) и соорудить первый деревянный памятник, а в 1958 году 7 мая под руководством инженера Канихина был сооружен бетонный памятник, который будет вечно напоминать потомкам о героях Ингодинского восстания, и не грех поклониться прохожему тем людям, которые отдали свои молодые жизни.

Да, богата доронинская земля своей историей. Кроме знаков Ингодинского восстания в селе красовалось здание церкви. Уж что не делали с ним: в 30-х годах стаскивали кресты — не смогли, в 40-х годах воины Красной Армии, расквартированные в селе для обслуживания радиостанции, расстреливали пулями красавцы-шары у основания крестов. Она стояла. Но, ослабев к 60-м годам, не могла уже сопротивляться «великим реставраторам» под руководством бывшего

председателя колхоза Н. Т. Нескоромных и при молчаливом согласии председателя сельского Совета П. В. Щелканова все же была разрушена, и из ее остатков построили кошару. Последнюю в 80-е годы сломали и пустили на дрова. Так превращен был в дым один из замечательных памятников старины.

Не зря я рассказал историю гибели церкви. Такие истории уже повторились с памятными знаками Ингодинского восстания. Так хочется предупредить односельчан: дорогие товарищи, подумайте, что оставим своим потомкам, будьте бдительны, не бойтесь поклониться лишний раз священным памятникам.

Калашникова О. Сквозь три столетия // Улетовский вестник. - 2002. - 20 мая (№54). - с.5.

В годы гражданской войны на территории Улетовского района проходило Ингодинское восстание (октябрь 1919 г.). Сплоченные партизанские отряды выступили на борьбу против оккупационных войск японцев и семеновцев. В начале восстание разворачивалось успешно, но, чтобы спасти свое положение, японское командование направило семеновцам свои воинские части, и они перешли в наступление. Повстанцы потерпели поражение, и началась зверская расправа над мирным населением. Так, «была схвачена группа рабочих из лесных поселков Дровянинского куста, крестьяне и учителя из с. Татаурово, всего около 30 человек. В начале арестованных подвергли жесточайшим пыткам, от них требовали выдачи имен участников восстания и их руководителей. Не добившись своего, белоказаки в одну из декабрьских ночей 1919 г. вывели в степь к реке Ингоде 19 человек и расстреляли их. Когда пьяные каратели уехали с места казни, из-под трюпов товарищей поднялся чудом уцелевший Алексей Москалев.

Освобождаясь от связывающей его веревки, он услышал человеческий стон. Он помог встать раненому лесообъездчику Тимофею Старицыну. Алексей Москалев вынес товарища к лесной землянке лесорубов, но спасти его жизнь не удалось. Позднее А. Москалев рассказывал, как мужественно вели себя его товарищи. Даже самый младший из них, 17-летний Сеня Хлюстов, нашел в себе силы, чтобы бросить в лицо карателям последние слова: «Стреляйте, гады, всех не убьете! Вам отомстят за нас!». В те же декабрьские дни 1919 г. семеновцы расстреляли мужа и жену, учителей Червинских, Павла Филиппова, Семена Беляева, Михаила Соловьева, Павла и Ивана Боровских» (по статье А. Рукосуева «Ленинское знамя», декабрь 1969 г.) В память о кровавых событиях гражданской войны небольшая речка, протекающая недалеко от Дровяной, а затем и село, возникшее на ней, стали называть Красная Речка. В центре Дровяной, возле здания старой школы, установлен памятник жертвам гражданской войны, который одновременно является и братской могилой четырех неизвестных партизан.

Чубенко Е. История забыта? // Улетовские вести. - 2017. - 6 июня (№41). - с. 4-9

В редакцию газеты «Улётовские вести» поступило письмо от депутата Законодательного Собрания Забайкальского края фракции КПРФ С.В. Сутурина о том, что на депутатском приёме к нему обратились жители Улётовского района, заинте-

ресованные в сохранении памятника красным партизанам и героям гражданской войны.

«Расположен один из таких памятников в бывшем селе Старые Ключи, как напоминание о далеком 1919, когда в Забайкалье хозяйничал атаман Семёнов со своей бандой. В с. Старые Ключи бандиты хватали всех без разбора, расстреливали и забивали шашками коммунистов, партизан, их семьи и сочувствующих им.

После ухода из села семёновцев односельчане похоронили погибших от рук бандитов в братской могиле и поставили небольшой деревянный памятник, в 1962 году взамен деревянного установили металлический памятник. В годовщины революции жители собирались возле памятника на митинги.

Сейчас памятник оказался на могилках Старых Ключей. Постепенно забота школьников о нём сошла на нет. И в то же время попытка героизации личности атамана Семенова заставляет всех людей осмыслить факты истории, уберечь всех от фальсификации прошлого. Сохранение памятника - дань уважения к нашим предкам» - пишет в своем обращении С.В.Сутурин.

Совершенно случайно по вопросам родословной разговорилась с Александрой Никитичной Тарасовой, урожденной Волошиной. Вот что она рассказала: «В могиле в Старых Ключах похоронены 5 человек, один из них наш дед, Трофим Волошин. Накануне этого страшного события к ним в дом прибежала соседка и предупредила, чтобы спрятали детей. Дети - Демид (Дмитрий) и Никита (мой отец и отец Юрия Дмитриевича Волошина) вместе со своей тёткой спрятались в подполье и просидели там целых три дня, не издавая ни звука. Когда с наступлением тишины вылезли наружу, то увидели страшную картину. Погубленные люди, головы их были нанизаны на колья забора, тела расчленены. Один из погибших был неизвестен - остальные - ключёвцы. Людей похоронили на кладбище в Старых Ключах. В 1961 году мой отец Никита Трофимович сварил новый железный памятник и установил его на месте захоронения. Сейчас он, конечно, запущен. Я в силу возраста там, к сожалению, бывать не могу».

На сайте www.predistoria.org я нашла письмо такого содержания: «Я, как потомок читинцев, уничтоженных в этой «мясорубке» 1918-20 гг., имею право говорить именно о зверствах банды атамана Семенова, о кровавом подавлении Ингодинского восстания в Улётовском районе, услышанных из уст очевидцев тех дней.

Мой прадед Михаил Малков, служивший при последнем царе в Смольном и в Крондштадте, вернувшись на родину в Читинскую область, участвовал в Ингодинском восстании 1919 г. По воспоминаниям моей бабушки (ей на то время было 8 лет, уже соображала, что происходило, и запомнила эти ужасы на всю жизнь), их, маленьких детей, полураздетыми выволокли зимой в лютую стужу смотреть, как расстреливают их отца и других, но так как прадед после выстрелов не падал, его еще и изрубили на мелкие куски, а потом и остальных, и не подпускали к ним жен, которые хотели захоронить останки, избивая их плетьюми в кровь на глазах детей и всего села. За помощь в укрытии красных их соседу Степану Кузьмину расправили клинком живот, а кишки растянули по забору. Сожгли дом и расстреляли семью Артамона Сазонова. За участие в восстании сыновей, был зверски убит старик Пахом Волошин, у него были изъяты 2 Георгиевских креста, полученных еще за войну с японцами, и медаль «За храбрость». Пострадали и мои Калашниковы, спрятавшиеся в тайге на заимке.

Сначала были расстреляны в стогу сена, а затем там же и сожжены. Руководителя подпольной группы в селе Танга Рассолова облили в мороз водой, за ноги повесили и заморозили. Его жену решили отправить в тюрьму в Читу, но конвоиры не захотели везти так далеко и по дороге у с. Николаевского застрелили женщину».

Публикуя эти документы, думаю, что они не оставят равнодушными наших читателей. Бесспорно, что история нашего народа в начале минувшего века была страшной, запутанной и непонятной. Колёса истории были неразборчивы, давили всех подряд. Насколько силён был пресс на людей, если бывшие земляки шли друг на друга с топорами и шашками, одни свято верили в Бога, другие с той же истовостью крушили церковь, рубили на дрова иконы. Одни веровали в коммуну и Ленина, а другие прятали в узелки Георгиевские кресты, полученные за Веру, Царя и Отечество.

Разные берега, разные судьбы. Но факт остаётся фактом - лежат на забытых могилах, -под покосившимися пирамидками наши деды и прадеды. И так ли нужно искать помощь в читинских кабинетах? Может быть, обеспечить уход за парой могил в состоянии на местах? Ведь, придя на кладбище в преддверии Родительского дня, обихаживаем порой по 5 и по 10 могил родных, наверное, и одна «ничья» не задавила бы заботой?

«В борьбе за власть народную»:
дайджест к 100-летию Ингодинского восстания

Составитель: О.А.Середина
МУК «Межпоселенческая центральная
районная библиотека»
МР «Улетовский район»
Забайкальского края

Наш адрес: 674050, Забайкальский край,
с. Улеты, ул. Кооперативная, 16
Телефон: 8(30238)5-33-59
Факс: 8(30238) 5-33-59
E-mail: raibib@mail.ru

